Русская доля

12+

Сергей Григоров

Сергей Львович Григоров
Русская доля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56276959
SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник этюдов 2009 года, обсуждающих вопросы, вычеркнутые из моей «Фантасмагории»: в чем причина кризиса Русского мира? Кто мы, русские, и что из себя представляем? Что таится за привычным «загадка русской души»? Почему мы допустили распад великой державы, выбрав в удел нищету и презрение? Каков наш национальный характер и что это такое – государственные интересы России?

Содержание

Пролог 4
Мифы, боль и два вопроса 7
О расах и народах 46
Русский характер 89
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Пролог

Господа-товарищи, не плюйте в автора – он пишет как может. Я знаю, что язык мой коряв и несовершенен. Однако в окружающей действительности вижу столько вопиющего безобразия, что просто не в состоянии заткнуть свой фонтан. Будьте великодушны.

Сколько лжи и неправды написано про русских, их национальный характер, про историю России и ее государственные интересы! Данное произведение появилось, чтобы хотя б на шажок приблизиться к правде. Я считаю его художественным. Главный герой его, однако, не Джордж или Юра, Варя или Барбара, а человечество в целом. Основная цель повествования – назвать все вещи своими именами, и я честно старался исполнить авторский долг. При этом я опускал слова-паразиты типа «иногда», «кое-где у нас порой», «в некоторых случаях», «определенные люди», «представляется правдоподобным» и так далее. Поэтому возможно… нет, не возможно, а наверняка мои высказывания чересчур резки и безапелляционны, а общий тон изложения – раздражительно менторский. Прошу извинить.

Многое из написанного покажется кому-то банальным, другому спорным или неочевидным. Третьи разглядят в тексте что-то знакомое, а то и свое, личное, выстраданное.

Банальности, конечно, мешают, но что делать? Коли мы,

русские, живем в Европе и Азии, то согласитесь, не мог я сказать, что место нашего обитания – Африка.

С неочевидными утверждениями сложнее. Естественно, я опирался на чужие плечи. Большинство знаний не высосано мною из пальца, а получено из различных письменных источников. На память я никогда не жаловался и посему вычитанные когда-нибудь мысли мог изложить в форме, близкой к той, что была в оригинале. Чтобы избавиться от необоснованных подозрений, заявляю: при окончательной отработке текста я удосужился разве что сверить некоторые собственные имена и даты, не претендую ни на какую научность, ни на какие откровения, ни на какой приоритет в формулировках истин и заблуждений. Прошу также принять во внимание мое убеждение в том, что идеальное художественное произведение должно представлять собой лепнину из прописных истин и легко узнаваемых фраз. Только так можно достичь максимума ассоциаций и контекстной глубины.

Я стремился будить больше эмоций, пусть даже в ущерб точности формулировок и доказанности отдельных утверждений. При этом – быть лаконичным, не растекаться мыслью по древу и не вдаваться в несущественные частности. Каждый имеет свои представления об окружающем мире, и если прочитанное соответствует его мировоззрению, он, надеюсь, получит удовольствие. Если же написанное идет вразрез с его внутренними установками – пусть возмущается.

За все ошибки и неточности готов нести персональную

ответственность. Однако прошу помнить, что всякая человеческая правда отягощена ложью.

Мифы, боль и два вопроса

«Во всем нам хочется дойти до самой сути…» глубоко сидит в нашей памяти. Красиво пишут поэты на Руси. Но кто-нибудь задумывался, почему столь притягательны именно эти слова? Меж тем ответ на поверхности: потому что они… лживы.

Да не хотим мы доходить до сути вещей! Нам привычнее и проще пребывать в плену иллюзий. Форма для нас важнее содержания. Мы не замечаем очевидного и не докапываемся до истинного, ограничиваясь лишь удобным объяснением происходящих вокруг нас событий. Полагаем одно, решаемся на другое, поступаем иначе и при этом постоянно ошибаемся.

Кто бы что ни делал, навязывая окружающим лучшую жизнь, он всегда оказывается неправ.

Одни объясняют прошлое и предсказывают будущее. Подсказывают, как надо управлять себе подобными. Но почему-то всегда выясняется, что человечество живет не так, как они думают, и любое умозрительное построение рано или поздно показывает изъян, лишая жизненных ориентиров своих приверженцев.

Другие предпочитают действие. Стоят, не щадя живота своего, на страже существующего порядка. Их противники, наоборот, выискивают пятна на солнце, подтачивают все, что

относится к сфере государственности. Естественно, получают по заслугам плюс щедрую добавку.

И те, и иные, бывает, добровольно соглашаются нести непосильные тяготы, а то готовы и с жизнью расстаться, лишь бы было так, как они хотят. А потомки их, как правило, вместо благодарности проклинают.

Почему так происходит?

Вечное

Чтобы понять, почему итоги деятельности подавляющего большинства общественных деятелей во все времена охаивались, необходимо просто оглянуться вокруг да вспомнить школьный курс истории. Что присутствовало в любом людском сообществе, у кочевников и землепашцев, обитателей огромных городов и жителей уединенных хуторов? Что оставалось неизменным всегда, вне зависимости от климатических условий и состояния производительных сил? И в Древнем Египте, и в Средние века, и на памяти живущих сейчас?

Перед мысленным взором проносится, как в фантастически сложном калейдоскопе, хоровод разнообразных орудий труда и приемов хозяйствования, нравов и обычаев, общественных отношений и форм государственного устройства. Что же оставалось неизменным?

Только одно: разделение людей на две группы – привилегированных, получающих от жизни бездну удовольствий, и вторых, трудами которых обеспечивалось благополучие пер-

вых. Причем разделение это осуществлялось не по трудолюбию, уму и прочим параметрам, которые принято относить к положительным качествам человека. А дети-внуки и тех, и других меняли свой социальный статус чрезвычайно редко, только в экстраординарных случаях. Как говорится, известные исключения лишь подтверждают общее правило. Разве не так?

Кто-то осмелится возражать?

На заре цивилизации гетерогенность общества была слабо заметна. Лидер первобытной стаи, самый сильный, умный, опытный и ловкий, резонно требовал лакомый кусок при разделе добычи. Но почему эти права распространялись на его близких, домочадцев, знакомых и постепенно увеличивающуюся толпу прихлебателей?

Несправедливость росла по мере становления государственных институтов.

Купцы по справедливости наживали громадные состояния потому, что постоянно рисковали своей жизнью в дальних странствиях? Однако если грабители нападали на их караваны, первыми гибли неимущие охранники. Великие полководцы претендовали на львиную долю военных трофеев, но редко сами показывались в передних шеренгах воинов… Надо ли продолжать плодить подобные примеры?

В Советском Союзе в эпоху Сталина любовно культивировали миф об обществе-семье, где рядовой руководитель, имеющий зарплату чуть выше, чем у последних своих под-

чиненных, дневал и ночевал на рабочем месте. Кто больше и лучше работал – тот, мол, больше и получал. А вожди, якобы, всего себя без остатка отдавали служению трудовому народу. Возможно, и были индивидуумы, из которых можно было гвозди делать, – зачем спорить? Но основная масса ответственных работников себя не забывала. А там еще их помощники, охранники и прочий обслуживающий персонал, не говоря уже о многочисленных, как саранча, родных и близких. Кроме того, были завскладами, скромные труженики социалистической торговли и так далее. В брежневские времена от этого мифа остались разве что один пух и да перья.

Право дело, неудобно напоминать, но ныне раз за разом пытаются сотворить сказку о миллиардере-трудоголике. Этот образ настолько не соответствует действительности, что воспринимается здравомыслящими людьми как комедийный персонаж.

Повторим: в людском сообществе всегда была, есть и, вероятно, неопределенно долго будет «белая» и «черная кость». Несправедливо? Может быть. Однако вряд ли этические оценки применимы к большим общественным группам. А уж критиковать исторически сложившийся уклад жизни – так вообще бессмысленно. Это примерно то же самое, что упрекать высокого человека за рост, а негра – за цвет кожи. Такова уж их природа. Судить можно только конкретного человека за какой-то конкретный проступок, да и то при этом

уместно помнить предостережение «не судите – и не судимы будете».

Зададим глупый вопрос: а за счет чего, с помощью каких механизмов поддерживался сложившийся порядок? Каким образом сохранялось разделение общества на жуирующих и голодающих? Как можно заставить подавляющее большинство людей работать за гроши?

Ответ очевиден: только сочетанием обмана и насилия. Все остальные средства имеют вспомогательный характер. Скажем, довольно часто и эффективно эксплуатировались привычки и традиции. Однако типичный разговор хозяина с конюхом, усомнившимся в справедливости существующего порядка вещей, наиболее естественно реконструируется следующим образом: «Твой дед чистил конюшни. И твой отец чистил конюшни. Тебе тоже придется это делать. А если не станешь – я велю поучить тебя розгами. Или отправлю на все четыре стороны помирать с голоду». Правильно? Заметьте: призыв жить по заветам предков здесь наличествует, но гораздо важнее фактор насилия – угроза побить или лишить средств существования. Возможно, присутствует и обман, если у хозяина или нет подручных, чтобы привести в исполнение объявленное физическое наказание, или нерадивый конюх не догадывается, что легко может найти себе иное, более достойное и выше оплачиваемое занятие.

Как ни крути, как ни изворачивайся, приходится сделать следующий вывод: атрибут любой общественной власти –

путем насилия и обмана культивировать разделение людей на привилегированных и обделенных жизненными благами. Вот почему что бы ты ни сделал для людей, всегда найдутся недовольные, с удовольствием плюющие тебе в спину.

От вечного перейдем к земному. Поговорим о современных методах управления общественным сознанием.

Земное

Человеческая природа постоянна, и потому вряд ли разумно полагать, что пропорция между насилием и обманом ощутимо меняется из века в век. Нашим современникам приятно должно быть слышать бесконечные словопрения о гуманности и правах личности, но еще не скоро охладятся крематории Второй мировой войны, «снивелируются» убийства тысяч и тысяч людей в полпотовской Камбодже и Уганде и прочее и прочее. Вероятно, тишина на лобных местах и голгофах временная. Арсеналы ядерного, биологического и химического оружия, других высокопродуктивных орудий массовых убийств подозрительно долгое время без толку содержатся под замком.

Затишье страшит. Хочется поэтому верить, что из повседневной жизни по мере развития цивилизации тупое, физическое насилие очень медленно, нехотя, но уходит, подменяется косвенным. Что бы это значило?

Спрятать, замаскировать насилие – значит придумать более изощренные способы обмана. Иного не дано.

В двадцатом веке оттачивались хитрые механизмы манипулирования трудящимися массами, основные из которых – идеологические теории и финансовые инструменты. Ныне ссудная удавка и зомбирование сознания не менее действенные инструменты регулирования жизни общества, чем ранее меч и плетка. Произошло как в старом анекдоте о кормлении кошки горчицей: можно просто засунуть ей в пасть порцию «лакомства», но эффективнее (и намного безопаснее!) навесить блямбу ей под хвост – подвывая и плача, сама слижет.

Метаморфоза с идеологией достойна отдельного замечания.

Согласно изысканиям Александра Зиновьева, выдающегося русского логика и публициста, слово «идеология» впервые прозвучало в революционном Париже 20 июня 1796 года. Некий Десто де Траси, вдохновенный поучениями Кабаниса и Кондорсе, предложил целенаправленно заняться систематизацией наиболее глубоких идей великих ученых и мыслителей – Ф. Бэкона, Локка, Кондильяка и других. Соответствующую науку об идеях, «теорию теорий» он назвал идеологией. Как обычно, довольно быстро произошла подмена, и под идеологией стали понимать не конкретное научное направление, а систему взглядов о том, как жить.

В тиши уютных кабинетов ученые умники отточили методы идеологической борьбы, то есть дезориентации явных и потенциальных врагов, расстройства их мышления, лишения воли к сопротивлению, навязывания чуждых им идеалов

и мотивировки поведения. Таким образом производство обмана было поставлено на научную основу. В конце двадцатого века, когда начинать большую войну стало по-настоящему страшно, из идеологии выковали прекрасную опору общественного порядка. Повысилось ли гуманность общества при этом, вопрос открыт: душевные муки человека, которому отпиливают голову, зачастую меньше, чем у того, кто потерял смысл существования.

Ги Дебор, лидер так называемого Ситуационистского Интернационала и один из духовных вождей студенческих волнений в Париже в мае 1968 года, ввел в обиход хлесткое выражение «общество спектакля».

Если у Шекспира «весь мир – театр» было метафорой, то спектакль Дебора – логически строгое вскрытие сути окружающей действительности. Он утверждал, что современный мир есть гигантская театральная постановка. Главная цель этого поистине вселенского действа – физическое и духовное закабаление народных масс пролонгацией государственного управления вплоть до быта и мироощущения каждого человека. Общественное мнение погребено хаотичным потоком малозначащих новостей и сенсаций, ежесекундно порождаемых средствами массовой информации. И повсюду тотальный обман, все без исключения социальные теории используются для фальсификации восприятия происходящих событий. Не верится? Вспоминается «человек – это звучит гордо» и прочие восхваления нашему достоинству?

Да, нелегко впитать деборовское откровение. Но попробуем понять, насколько оно близко к истине.

Бросим камень сомнения по адресу политэкономической теории марксизма. Не потому, естественно, что в начале двадцать первого века в стенающей России наследие Маркса и его последователей не топтал разве что самый ленивый. Из длинной серии целенаправленно взлелеянных анекдотов сходу вспоминается следующий:

« – Папа, а кто такой Карл Маркс?

– Ну, в общем, один давно умерший экономист.

– А что это такое – экономист?

– Ну, примерно то же самое, что бухгалтер.

– Как дядя Моша?

– Наш дядя Моша, сынок, – *главный* бухгалтер!»

Элементарная объективность просто заставляет признать, что Маркс до сих пор на порядок, на голову остается выше всех теоретиков научного хозяйствования вместе взятых! При этом надо иметь в виду, что не все ученые, вошедшие в историю как экономисты, были таковыми на самом деле. Василия Леонтьева и Леонида Канторовича, например, правильнее относить к математикам. «Настоящих» же современных экономистов, пользующихся всеобщим почетом и уважением, наделенных многими наградами и почетными званиями, среди которых не один лауреат Нобелевской премии, даже и называть не хочется – не то что критиковать. Экономики всех стран (это и Аргентина судьбонос-

ных 1960-х, и послеальендовское Чили, и внезапно обретшая независимость Россия и многие-многие другие), руководителей которых смогли загипнотизировать их красивые речи, с завидным постоянством отбрасывались на десятилетия назад. А кто не соблазнялся знанием великих экономических тайн – тот благоденствовал. Когда, например, 1990-е годы в Восточной Азии разразился финансовый кризис, единственная страна, вышедшая из него без потерь, была Малайзия. Ее правительство, выслушав рекомендации международных экспертов, поступило наоборот. Так, есть один плюс в пользу прозрения Дебора. Но не будем отвлекаться, приземляя вершину политэкономической мысли – теоретические построения марксистов.

Начнем с их фундамента – материалистической философии с ее жестким противопоставлением материи как независимой от сознания, «объективной» реальности и сознания как формы отражения этой самой реальности, то есть как некоего продукта материи. Позвольте усомниться в самой возможности отделения одной всеобщей категории мышления от другой. Представьте гипотетический разговор между Марксом и Энгельсом, состоявшийся, например, в одном из лондонских пабов за кружкой-другой доброго английского эля.

– И все же, Карлуша, я пребываю в некоторой растерянности, – говорит Энгельс, потягивая свой любимый напиток. – Поскольку твое сознание независимо от моего, то для ме-

ня оно подпадает под наше определение материи – как объективно существующая реальность. Аналогично, так как по крайней мере в деталях я думаю иначе, чем ты, то естественно предположить, что и мое сознание существует независимо от твоего. Следовательно, ты тоже можешь считать его материальным? Получается, что сознание есть материя? Нет ли здесь логического парадокса?

– Дорогой мой, это же диалектическое противоречие. А диалектика суть наука наук, оружие пролетариата. Вишь? – призрак его уже приподнялся над Тауэром. Вот-вот грядет всемирная революция, и нефиг мудрствовать лукаво.

Введение Марксом политэкономических категорий осуществлено, мягко говоря, также не корректно. Например, под товаром понимается продукт труда, произведенный для продажи. Ладно, пусть будет так. Но когда мы вычитаем далее, что «деньги – это особый товар», нам вновь приходится обращаться за помощью к диалектике, ибо здоровая логика заходит в тупик.

Диалектика, конечно, мощный инструмент, но надо знать, когда и как ею пользоваться.

В данном же случае приходится напомнить о существовании полисемии (многозначности) слов и распространенной практике выражать одним и тем же словом (омонимом) различные понятия. Так, в русском языке «коса» означает и сплетенные вместе пряди волос, и прибрежную, отделенную водой от основной части полоску земли, и орудие труда (не

могу не дать несколько совершенно разных образов: «девица с косой», «старуха с косой» и «премьер-министр с косой»). Слово «деньги» является омонимом во всех языках мира.

Для многих, особенно для типичных американцев, оно выражает одно из важнейших жизненных ценностей, фетиш, объект поклонения и преклонения.

В политэкономии деньги – это, конечно, всего лишь регулятор хозяйственных отношений. Не могут они быть товаром просто потому, что не являются им, и все тут! А разноцветные (конечно, лучше зелененькие) бумажки с отпечатанным на них номиналом – это совсем другое дело. Разница между их сущностями примерно такая же, как между полковым знаменем и соответствующим войсковым подразделением. Воюют люди, а не стяги, и если вам взамен реальных, материальных ресурсов подсовывают бумажки с какими-то надпечатками на иностранном языке, да еще с известными масонскими образами, то первым делом резонно спросить самого себя: а не хотят ли вас обжулить?

Терминологические неточности блекнут на фоне неправоты итоговых, идеологических выводов марксистской политэкономии.

Призрак коммунизма бродит по Европе? Пролетариат – самый революционный класс, могильщик буржуазии? Нечего ему терять, кроме собственных цепей? Классовая пролетарская солидарность превыше всего? Жизнь с предельной ясностью отвергла все эти лозунги.

Не надо быть мудрецом, чтобы констатировать: побродил коммунизм по Европе, захирел, оброс грехами, подгнил, а после распада Советского Союза сгинул на неведомо долгий срок.

Ложность тезиса о революционности пролетариата менее очевидна. Но только на первый взгляд. Вслед за С. Кара-Мурзой достаточно задаться невинным вопросом: в каких странах к власти пришли политические группировки, провозгласившие строительство социализма? В крестьянской Российской империи. В еще более крестьянском Китае. На Кубе, специализирующейся в сфере услуг. В феодальной Монголии. Где еще? Ну, еще в некоторых странах Европы, в ту пору находящихся под оккупацией. А также в отдельных местах Африки и Азии, где законсервированы племенные или клановые общественные структуры. И все. Там же, где была развита промышленность, где наемные работники составляли значительную часть населения, социалистические революции если и случались, то почти мгновенно становились прошедшим достоянием истории. К чему бы это, а?

Не потому, наверное, что закапывая буржуазию, пролетариат автоматически уничтожал бы и самого себя. Должны быть более прозаические причины.

Рассмотрим один пример.

Предположим, что в городке **N** находятся две фабрики – ткацкая и швейная. Рабочие этих фабрик, полагая, что их хозяева пьют из них все соки, договорились объявить общую

забастовку. Что делать заводчикам, как выйти из сложной ситуации?

Чрезвычайно просто: вспомнить о справедливости и ввести сдельную оплату труда. Чем больше рабочий нашил изделий, чем больше прибыль от их продажи – тем больше он должен получить. То же самое новшество внедрить и на ткацком производстве. Что произойдет? Работники швейной фабрики сразу поймут, что им выгодно снижение цен на ткани, и поссорятся с ткачами, заинтересованными в обратном. А вместе с заводчиками они будут добиваться снижения цен, скажем, на электричество. Классовая борьба переместится на второй план: свой живот ближе к телу.

Какой вывод? Данный пример показывает, что привнесением в производственные отношения чисто нравственного фактора появляется возможность сбить революционную волну, лишить пролетариат активности, превратить его в самый консервативный класс, отвергающий коренные изменения общественного порядка. Что и было проделано во всех развитых странах.

Кто-то скажет, что современный капитализм стал более гуманным под влиянием успехов Советского Союза? Из боязни мировой пролетарской революции? Может быть, и так. Не буду спорить. Только не надо перегибать палку и изображать человека стервозной скотиной, способной на естественно благородный поступок исключительно под гнетом обстоятельств.

Насчет сверхэксплуатации трудящихся, провозглашенной Марксом, – разговор особый. Обычный капиталист ведь не кровопийца, а просто человек. Каждый конкретный предприниматель не считает себя виновным в том, что рядом с ним наличествует огромная масса голодных людей, жаждущих любой работы, – не он лично сотворил сей гнусный порядок. Более того, работодатель, как правило, искренне убежден, что в некотором смысле является благодетелем, предоставляя рабочие места желающим. Новый работник попадает в коллектив, внутри которого, как и в любой общественной ячейке, действуют законы коммунальности и общинной жизни. Со временем он становится «своим», близким, почти что родным человеком. Начинает трудиться, как говорится, не за страх, а на совесть, и получать больше, чем действительно заслуживает.

Настоящий источник сверхприбыли – не отупляющий, изматывающий душу труд, а неординарная организация производственного процесса или выпуск уникальной продукции, за которую можно заломить непропорционально понесенным затратам цену. Налаживает производство инженер, а творит новое изобретатель. Лучшие представители когорты предпринимателей недавнего прошлого как раз и были гениальными инженерами или изобретателями, богатство досталось им справедливо. К ним относились, например, Генри Форд, придумавший конвейер, и Альфред Нобель, изобретший динамит. Из современников никого называть не бу-

ду. Лучше отошлю вас к произведениям Жюля Верна, подарившего нам множество ярких образов довольно эксцентричных инженеров-изобретателей-предпринимателей.

Короче говоря, когда в одном лице совмещаются предприниматель, инженер и изобретатель, лишь Бог ему судья. О необоснованно высокой прибыли можно намекать тогда, когда заводчик делает большие деньги, эксплуатируя чужое изобретение или недоплачивая нанятому инженеру. Однако сверхэксплуатации здесь, очевидно, подвергаются не простые рабочие, а упомянутые, излишне скромные или недальновидные представители умственного труда. Иными словами, если пренебречь случайными факторами, надо признать, что в основе праведно нажитого богатства всегда лежит не пот, а интеллект.

Понимал ли сам Маркс, что созданные им теоретические построения не совсем корректны? Сохранились материальные свидетельства его сомнений. Однако, в отличие от нынешних политэкономистов, в целом, «по крупному» он, вероятно, был искренен, отстаивая свои выводы. Нам стали видны его заблуждения потому, что изменился мир.

Сейчас форды и нобели вымерли, как в свое время динозавры и мамонты. Непомерно выросли объемы производства, что потребовало укрупнения заводов и фабрик, объединения их во всевозможные картели, корпорации, союзы, холдинги и прочее. Именно опутавшие многие страны огромные компании, включающие заводы с поточным про-

изводством, сотни и тысячи вспомогательных предприятий по обработке сырья и изготовлению полуфабрикатов, маркетинговые конторы и магазины, – в промышленности, в сельском хозяйстве – не мелкие фермы, а многопрофильные хозяйства с тысячами работников обеспечивают материальное существование человечества. В этой связи современная акула капитализма, определяющая нашу бренную жизнь, – это нанятый топ-менеджер крупной корпорации. Ничего он не выдумывает, не изобретает, не рискует собственным капиталом, а только руководит, получая при этом непомерно высокую зарплату. Мелкое предпринимательство – всего лишь фон, внешняя среда, дотошно регулируемая государством. Правильно?

А коли так, то, откровенно говоря, плакать хочется.

Издавна на Руси собирательный термин для лиц, претендующих на общественную собственность, был «вор» – мелких карманников и грабителей на дорогах называли иначе. Купец становился вором, если поставлял государству некачественную продукцию – оружие и продовольствие для войска, пеньку и так далее. Объявляли вором дворянина, самовольно прирезавшего к своим владениям кусок земли. Ворами называли лжедмитриев и пугачевых, заявивших о своих претензиях на царский престол. Государственный чиновник и топ-менеджер крупной компании, воспользовавшиеся служебным положением, чтобы взвинтить до небес свою заработную плату, также достойны сего прозвища. Что же полу-

чается? Современный мир – воровская малина?

О нынешнем состоянии дел поговорим чуть подробнее.

Сегодняшнее

Каковы наиболее значимые события конца двадцатого – начала двадцать первого века? Распад Советского Союза да развертывание/схлопывание так называемого процесса глобализации, инициированного странами «постиндустриальной экономики». Кроме того, на мировой арене появился новый монстр, величаемый международным терроризмом, и увеличилась ожесточенность локальных военных конфликтов.

Затяжную идеологическую схватку, вошедшую в историю под названием «холодная война», выиграл Запад благодаря, якобы, преимуществам своего общественного устройства – демократии. Что эта мощная зверюга из себя представляет? – вопрос, не имеющий четкого ответа. Так, У. Черчилль говорил что-то вроде «демократия, конечно, – гадость, но ничего лучшего человечество до сих пор не придумало». Согласитесь, что данное высказывание малоинформативно. Много лет великое множество уважаемых гуру, подогреваемых умопомрачительными гонорарами, расписывало достоинства западного образа жизни. Все эти велеречивые хайеки, попперы, шумпетеры, фукуямы, веберы, бжезинские, финеры и т. д. породили свои, довольно односторонние определения демократии, однако общей ее формулировки, удовле-

творяющей строгим научным канонам, нет до сих пор.

Считается, что атрибутами, то есть непременными признаками западной демократии являются альтернативные выборы особ, наделяемых властью на строго ограниченный срок, свобода слова, равенство всех перед законом а также разделение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Такова официальная точка зрения, не поддающаяся якобы опровержению. Но так ли это?

Предвыборные кампании, конечно, впечатляют. Организуется масса развлекательных мероприятий и братаний элиты с народом, появляются красочные плакаты и лозунги, смакуются пикантные подробности жизни претендентов, со всех сторон тебя убеждают в твоей важности и мудрости, надеясь получить твой голос. Если повезет, можно даже пожать руку будущему президенту, премьер-министру, мэру, губернатору… в общем, тому, кого избирают. Одним словом, здорово.

Все это не более чем спектакль.

По подсчетам экспертов, на выборах 2000 года в США, признанном оплоте всемирной демократии, большинство американцев отдали свои голоса А. Гору. А президентом стал Дж. Буш. В Италии правительственный кризис стал обычным явлением, и страна годами не имеет верховного руководства. Но живет не хуже прочих, ничего с ней не случается. Как же так?

Надо признать, что альтернативные выборы – отнюдь не

обязательный признак демократии, да и без публичной власти она прекрасно обходится.

Неоднократно высказывалось мнение, что в действительности представительная власть всего лишь ширма. Выбранное, то есть «наделенное доверием народа» лицо только освящает своим согласием решения, принимаемые незаметными, никем не избираемыми, карьерными чиновниками. Ни одного из которых в настоящее время в странах западной демократии нельзя уволить без веской причины даже при сильном желании. Почему? Да потому, что они важные секретоносители, знают все входы-выходы в теле сложного механизма государственного управления и защищены трудовыми контрактами, обеспечивающими – если они сохранят необходимую лояльность власти – безбедное их существование при любом стечении обстоятельств.

Свобода слова? Очередная сказка. Главный рычаг управления общественной жизни в странах западной демократии – банковская сфера. А там, где царит золотой телец, никакой свободы не может быть потому, что ее просто-напросто нет.

Журналисту, будь он сотрудник газеты или телеведущий, предлагают высокую зарплату, на льготных условиях предоставляют кредиты для покупки фешенебельного дома, дорогой автомашины и прочих предметов роскоши. Детей принимают в престижные учебные заведения, выставляющие бешеные счета к оплате… Ко всему хорошему человек привыкает мгновенно. В результате журналист цепляется за свое

рабочее кресло, потеря которого для него смерти подобна: ну ни он, ни его жена, ни его дети и другие ближайшие родственники не представляют себе иной жизни, и все! Однако закрепиться в кресле он может только при условии полной лояльности – кому из работодателей захочется кормить человека, копающего ему яму? Хотя бы по этой причине все утверждения о независимости западных средств массовой информации есть миф.

В аналогичную золотую мышеловку попадают прочие общественные функционеры – руководители различных рангов, интеллигенция, люди свободных профессий. Все оказываются повязанными естественным желанием сохранить свой высокий жизненный уровень.

А низы? С этих нечего взять, пусть болтают что в голову приходит. Кто их услышит! Встретится с кем-нибудь из нищих говорунов уважаемый человек да спросит самого себя: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» И отойдет в сторонку от греха подальше.

Ради справедливости отметим, что не хлебом единым жив человек, и всегда были, есть и будут люди, для которых материальная сторона жизни второстепенна. Как управлять ими? А также теми, кто обладает таким личным богатством, что подкупить его себе дороже? Кое-кто нехотя признает, что получение богатства от родителей – атавизм, пережиток прошлого, как в свое время дворянские привилегии. Вот почему придумываются драконовские налоги на наследство (правда,

без особого эффекта – затрагивается чересчур больное место). Но как быть, если некто сам сколотил себе крупное состояние, а потом «тихо шифером шурша крыша едет не спеша», и он стал возбудителем социального спокойствия? Для подобных лиц находится более тонкий поводок – междусобойчики по интересам.

Обратите внимание, сколько сейчас на Западе различных добровольных, неформальных или полуформальных организаций – обществ, клубов, собраний, кружков, лож, братств и прочих общественных институтов. Сколько проводится всевозможных съездов, встреч, симпозиумов, совещаний, форумов и так далее. Во времена Маркса функционировали аристократические клубы, сам он участвовал в создании нескольких революционных организаций, но ныне система «негосударственных» объединений стала качественно иной, пронизывает все общество, втягивает всех – от министров и банкиров до домохозяек. Сие явление, естественно, далеко не случайно. Просто так и прыщ не вскочит.

Каждому человеку предлагается круг знакомств сообразно его социальному статусу. Общение с себе подобными, имеющими аналогичные жизненные устремления и проблемы, – что может быть более естественным и затребованным? Возникают общие интересы и переживания. Тебя с интересом слушают, дают совет, направляют, разъясняют…

Вроде бы все ничего, но знающие люди утверждают, что иерархия таких общественных организаций есть настоящая

материальная основа западной идеологии, рассредоточенной и охватывающей все стороны жизни. Воздержусь от обсуждения. В нескольких словах не прокомментируешь, а пускаться в долгие рассуждения – отвлекаться от темы.

Другие называют совокупность общественных организаций мировой закулисой, распределенным правительством. Не знаю. Не уверен, в частности, в том, что к подобной конструкции приложим термин «правительство», и потому также промолчу.

Важнее отметить следующее обстоятельство: если ты в кругу хороших знакомых начнешь вести себя неадекватно, тебе тут же «по дружески» вправят мозги либо прекратят с тобой общаться. А что может быть горше для обычного человека, чем оказаться в одиночестве? Вот почему сложившееся на Западе гражданское общество является важным и, как показывает практика, надежным стражем существующего порядка.

Встречаются, конечно, донкихоты, готовые бороться хоть со всем миром. Но таких белых ворон единицы, особой социальной опасности они не представляют.

Легко заметить, что описанные регуляторы – подкуп и приманка неформального общения с себе подобными – исключают также и действительное разделение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, и настоящее равенство всех перед законом. Что же получается в результате? То, что все заявляемые отличительные атрибуты запад-

ной демократии в действительности ими не являются!

Может, вспомнить о свободном рынке и равных условиях для конкуренции всех производителей? Сомнительно, что эти явления также неотделимы от демократии. Гораздо правдоподобнее кажется утверждение, что ныне рыночные отношения жестко контролируются государственными структурами. Это следует хотя бы из того, что в наше время для рядового потребителя цены падают только на неликвидные, залежалые товары. А цены на продовольствие и бытовые приборы неуклонно и монотонно растут, постоянно увеличивается квартплата, дорожает медицинское обслуживание. Колебания цен, о которых писал Маркс, сейчас наблюдаются только на биржах на радость финансовым спекулянтам. А национальные экономики защищены таможенными сборами, всевозможными квотами, компенсациями и так далее.

Отсутствие свободного рынка и равных условий для конкуренции косвенно подтверждает возникновение гигантского виртуального финансового «капитала»: количество ничем не обеспеченных «денег», перетекающих из одной компьютерной базы данных в другую, ныне более чем на порядок выше, чем стоимость всех реальных, материальных товаров, продаваемых и покупаемых в мире. О какой независимости «свободных» предпринимателей под таким прессом может идти речь, когда в любой момент они могут быть разорены?

В общем, приходится сделать вывод, что современная демократия преодолела рыночную стихию прошлых веков.

Разглагольствования о рыночных механизмах и конкуренции лишь маскируют стремление диктовать свои цены на навязываемые товары и услуги.

Так прав все-таки Дебор, и главная цель всех публикуемых официальных доктрин и деклараций, программ и прочих заявлений, разъяснений и пояснений оных опусов платными комментаторами заключается в сокрытии истинных намерений власть предержащих, в развитии мифологии для широких слоев населения? Может, и сама американская демократия – лишь идеологическая выдумка, знамя несуществующего полка?

Подтвердим справедливость данного умозаключения еще рядом примеров.

Утверждается, что демократия несет в мир общечеловеческие моральные ценности, справедливость и процветание. Так ли это?

Не надо быть мудрецом, чтобы убедиться, что мораль несовместима с западной демократией. Ни к чему глубокие раздумья и тонкие наблюдения. Достаточно поверхностного взгляда на происходящие в мире события.

Военное вторжение в 2003 году в Ирак объяснялось необходимостью лишить режим Саддама Хусейна оружия массового уничтожения. Страну оккупировали. Потопили в крови гражданской войны, называя ее борьбой с террористами. Повесили самого Хусейна. Оружия массового уничтожения не нашли. Признали, что его и не было. Так к чему все по-

несенные жертвы?

Достоянием гласности стал нелицеприятный факт, что в начале 1990-х годов для подготовки общественного мнения западных стран к насильственному развалу Югославии грубо искажалась действительность. Чашу народного терпения переполнили сообщения о боснийских мусульманах, якобы содержащихся в сербских концентрационных лагерях. Спустя почти десятилетие, после ожесточенной гражданской войны и расчленения страны, выяснилось, что никто никого за колючую проволоку не сажал. Показанные по телевизору люди на самом деле были сербскими (!) беженцами, а операторы нашли местечко, опутанное колючкой, забрались внутрь и оттуда снимали окрестности. Но это еще не вся правда.

Гораздо меньшему количеству людей известны пикантные подробности подготовки в 1998 году прямой агрессии НАТО против сохранившегося осколка Югославии. Взяв на себя роль третейского судьи и пригласив делегации косоваров и сербов к себе на переговоры, Запад участвовал в разработке одновременно двух документов – проектов соглашения, один из которых удовлетворял запросы косоваров, а другой сербов. Когда же настал момент подписать общее соглашение, был выложен документ косоваров. Сербская делегация в удивлении и возмущении прервала переговоры, что и дало повод для массированных бомбардировок. Экстаз цинизма, не так ли? Макиавелли и прочие нарицательные пер-

сонажи прошлого отдыхают. Покажите, где здесь общечеловеческая мораль!

Сейчас – немного о материальном процветании.

Несомненно, в западных странах с конца двадцатого века стали жить богаче, а работать меньше. Русский турист, оказавшийся, например, в Париже, недоумевает: парижане поголовно дни напролет проводят в бесчисленных уличных кафешках – когда ж они работают? Наши, русские бабки получают пенсию, которой не хватает на квартплату, а канадские пенсионеры путешествуют по всему миру, тряся толстой мошной. В чем тут секрет?

В том, конечно, что преподносится как стремление облагодетельствовать всех и каждого, в том числе и пожилых россиян – в так называемом процессе глобализации. Сейчас всюду о нем говорится, многоголосным хором поются дифирамбы. Но что это такое, мнения расходятся. Как правило, упоминается нарастание финансовых и информационных трансграничных потоков, не подвластных национально-государственному контролю, и распространение на весь мир западных (прежде всего американских) стандартов образа жизни.

Дежа вю. Нечто подобное в истории уже происходило. Помнится, Англия в девятнадцатом веке начинала с идей фритредерства, а закончила созданием мировой колониальной империи. Но тогда ей приходилось силой убеждать сомневающихся в тяжком бремени белого человека. Содер-

жать большую полицейско-оккупационную армию и огромный штат чиновников, направляющих туземные правительства. Нерационально.

Нынче все тоньше и проще. Основной механизм эксплуатации населения вовлекаемых в процесс глобализации государств – грабительский обменный курс валют. Национальные валюты стран со слабой экономикой искусственно недооцениваются, в результате чего ресурсы перетекают в страны-лидеры глобализации. По мнению ряда экспертов, российский рубль 2006 года, например, котировался в два – два с половиной раза меньше его реальной стоимости. В этой связи мы с вами субсидировали западную экономику не только за счет прямого вывоза капиталов за рубеж или оставлением там значительной части экспортной выручки, но и при каждой покупке какой бы то ни было импортной безделушки.

Действительное состояние западной «постиндустриальной» экономики является косвенным доказательством того, что под овечьей шкуркой глобализации прячется волчара неоколониализма. И миф о ее бурном росте не более чем миф.

Поднимите статистические данные. Те, которые публикуются, но почему-то почти не обсуждаются. Что мы видим?

Видим, что двадцать лет, с 1980 по 2000 год, реальная экономика США топталась на месте. Производство пищевых продуктов, различных машин и агрегатов, чугуна и стали,

синтетических материалов, тканей, одежды и пр. в абсолютном, материальном исчислении почти не увеличилось. В пересчете на душу населения даже упало немного. Меньше стало строиться домов, добываться полезных ископаемых. Соответственно меньше стало производиться цемента, пиломатериалов и так далее. Единственная область, где зафиксирован рост, – это сфера услуг. Не совсем, правда, понятно, как этот рост вычисляется. Вчера я дал «на чай» доллар, а сегодня сто – неужели за один день сфера услуг выросла в сто раз?

Ах, американцы очень умные и специализируются на создании новых технологий? Продают их недоразвитым троглодитам и живут этим?

Конечно, труд научных сотрудников и изобретателей надо оплачивать достойно. Интеллектуальная собственность есть собственность, авторское право есть право. Но все хорошо в меру. Один и тот же продукт неэтично продавать тысячи и тысячи раз, старые добрые сказки осуждали пользование неразменным пятаком и возвращающимися к прежнему хозяину домашними животными. Скажите, мог ли состояться, например, следующий разговор в Ясной Поляне между Львом Толстым и навестившим его Антоном Чеховым:

– Как низко пали нравы, Палыч! Мне рассказали, что студенты стали практиковать обмен книгами между собой. В результате падают тиражи, и издатели отчисляют мне много меньше, чем могли бы. Один студент купит, скажем, мою

«Анну Каренину», а потом дает ее читать всем своим знакомым. Это же воровство моей интеллектуальной собственности! Куда смотрит полиция! Какой позор для России!

– Да-да, Лев Николаевич, наша интеллигенция погрязла в пороках. А некоторые заводчики, как я слышал, устраивают библиотеки и избы-читальни для рабочих! Поступает в библиотеку одна книга, а читают ее сотни и тысячи людей. Безобразие! Вот бы кто придумал книги одноразового чтения!

Конечно, великие писатели не могли так говорить. Они готовы были даром отдавать свои произведения – лишь бы их мысли доходили до народных масс. Так почему сейчас пользователи нелицензионными компьютерными продуктами преследуются в уголовном порядке?!

Чрезмерная настойчивость при навязывании представления о раскручивающейся научно-технической революции также вызывает вполне понятные подозрения. Дебор, кстати, тоже писал о непрерывном технологическом обновлении. Что ж, он человек и не застрахован от заблуждений. Мне кажется, если б он не застрелился в 1994 году, а дожил до наших дней, то взял бы свои слова обратно. Правильнее говорить об удушении нежелательных конкурентов и – попутно – о целенаправленном создании искусственных потребностей, дабы покрепче насадить население на финансовый крючок. Эти цели достигаются за счет лавинообразного увеличения номенклатуры выпускаемых товаров. А также за счет улучшения их потребительских свойств на основе использования

новых технологий, разработка которых ранее субсидировалась государством, например, для военных нужд. Это особенно заметно в области информатики, включая создание персональных компьютеров.

С небольшой натяжкой можно утверждать, что наблюдаемый научно-технический прогресс затрагивает только инженерную область. Фундаментальная наука спит.

В самом деле, попробуйте перечислить научно-технические достижения последних лет. Расшифровка человеческого генома, чудеса генной инженерии, включая клонирование бедных овечек? Западные мудрецы имеют ко всему этому малое отношение. Методы расщепления молекул ДНК давным-давно были созданы в Советском Союзе. То же следует сказать и по поводу персональных компьютеров: главное их отличие от первых ЭВМ – в возможности цифровой обработки визуальной информации в интерактивном режиме, для чего и потребовалось соединить процессор с телевизором. Эта идея оформлена заявкой на изобретение в 1950-х годах безвестным то ли саратовским, то ли омским инженером. А основы телевидения разработаны русским инженером Зворыкиным.

Каковы новые фундаментальные теории, подготавливающие будущие революционные скачки в науке и технике? Инфляционная теория рождения Вселенной, развивающая теоретические построения русского иммигранта Гамова, создана выходцами из Советского Союза, как и теории физиче-

ского вакуума, квантовой гравитации и… все другие достойные упоминания. В термодинамике царит Илья Пригожин, в системном анализе – Спартак Никаноров, в общей теории управления – Владимир Лефевр. В чистой математике одни фамилии уроженцев России.

Да полноте, возразит кто-то. В США живет подавляющее большинство Нобелевских лауреатов – это ли не показатель интеллектуального превосходства! Согласен, Америка стрижет умы по всему Земному шару. Во время Второй мировой войны там сконцентрировались выдающиеся ученые разоренных стран. Мировая общественность признала их вклад в науку. А потом? Нанизанные на крючок грантов, стипендий и ежегодно корректируемых исследовательских программ, могли ли они проявить справедливость в вопросе, кого причислять к небожителям науки? Вот и получилось, что открытия делают одни, а через много-много лет награждаются другие, свои. В итоге – дискредитация самой престижной премии в ученом мире раздачей ее посредственностям. Убедитесь сами. Сравните, например, глубину и художественные достоинства «Тихого Дона» и «Доктора Живаго», оцененных Нобелевскими премиями с интервалом в четверть века. «Доктор», конечно, хорош, но все же несопоставим с шолоховским шедевром. Прослеживая тенденцию, можно предположить, что через некоторое время начнут награждать и компиляторов сборников анекдотов с ненормативной лексикой.

Пример с деградацией Нобелевского комитета – далеко не самое тяжелое следствие современного состояния западного общества.

Не бывает худа без добра. На плюс есть минус, и на каждый корабль найдется свой айсберг или торпеда. Можно на долгие годы обмануть одного человека, но все человечество обмануть невозможно. Осознанно ли, или подсознательно, но большинство людей чувствует фальшь. Подозревает, что их заставляют участвовать в некоей театральной постановке. А лицедейство – не настоящая жизнь. Все становится возможным, все как бы понарошку.

А тут еще и информационный прессинг. Чтобы понять, что из происходящего хорошо, а что плохо, любой человек должен иметь определенное время на раздумья, на диалог с самим собой и наиболее близкими ему людьми. Обладает ли он этим временем в современном западном обществе, не успевая осмыслить поток разнообразных сообщений средств массовой информации? Принуждаемый читать рекомендуемые книги и смотреть навязываемые кинофильмы, следовать капризной моде, подражать искусственно выращенным поп-идолам, разбираться во множестве присылаемых счетов и рекламных объявлений? Проще плыть по течению.

Что в результате? То, что тотальная ложь, обеспечив послушание широких слоев населения, потребовала страшную цену – *утрату обществом естественных нравственных ориентиров*. Иначе, собственно, и быть не могло.

Вряд ли нуждаются в еще одном обсуждении «достоинства» современной масс-культуры.

Скажем лишь, что далеко не все воздействия ее на людей по-настоящему опасны.

Можно смириться с тем, что талантливые режиссеры удивляются, почему нельзя снимать фильмы о вымышленной сексуальной жизни Иисуса Христа. Что образованные редакторы многотиражных газет и толстых журналов не понимают, почему нельзя публиковать карикатуры на пророка Мухаммеда. Почему жаждущие славы маргиналы возмущаются запрету рубить топором иконы в общественных местах. По большому счету, все это мелочь. Святыни потому и святыни, что сколько их ни черни, только сам запачкаешься. Действительно страшна бурно распространяющаяся пандемия психического нездоровья.

Все согласны с тем, что существуют заразные болезни тела. Такие как тиф, туберкулез, холера, чума, сифилис, СПИД. Все согласны с тем, что санэпидемические меры, препятствующие их распространению, должны быть очень строги. А если носитель опасной болезни осознанно кого-то заразил, то достоин уголовного преследования. Правильно?

В определенных пределах человеческая психика лабильна, подвержена нездоровым влияниям. Известно, например, выражение «власть толпы», есть такие понятия, как безволие, суггестия и прочие. Именно этими факторами, в частности, пытаются объяснить, почему в первой половине двадца-

того века человеконенавистническая идеология гитлеровцев легко овладела высококультурным и сентиментальным немецким народом.

Так вот, помимо традиционных психических расстройств, вроде шизофрении и паранойи, существует великое множество заразных психических болезней. Заразных в том понимании, что нормальный человек в обычных условиях им почти не подвержен, но под влиянием дурного окружения может их подхватить. Это, например, лудомания, садизм, педофилия. Гомосексуализм также следует отнести к заразным психическим расстройствам: у человека появляется интерес при одном лишь упоминании о существовании данного явления. Но почему ныне гомосексуализм пропагандируется!? Почему на центральных площадях западных столиц проводятся гей-парады, а уважаемые люди открыто объявляют о своем пристрастии к однополой «любви»?

Человеку со здоровой психикой еще можно было бы смириться с тем, если б Запад тихо-мирно загнивал, замкнувшись в себе. Так нет же, не может западная демократия создать вокруг себя железный занавес. Если перекрыть краник поступления материальных ресурсов из стран третьего мира, благосостояние «золотого миллиарда» упадет, а это недопустимо. Вот почему раскручивается процесс глобализации, и перед нормальными, не испорченными плотскими излишествами людьми разыгрывают сложную театральную постановку, рекламирующую мнимые преимущества амери-

канского образа жизни.

Как противостоять наглым попыткам залезть тебе в карман, да при этом еще и приобщить тебя к разврату? Применить силу, защищаясь?

Ныне военное превосходство Запада неоспоримо. Любая страна, вызвавшая его недовольство, попадает в черный список государств-изгоев и становится кандидатом на разбомбление и уничтожение. Противоборство поэтому зарождается снизу, в народных массах. Люди совестливые, те, которых называют антиглобалистами, хватаются за призрачную надежду добиться справедливости мирными, ненасильственными методами. От них загораживаются полицейскими кордонами и сажают в кутузку, чтоб напомнить о прелестях элементарных удобств цивилизации. Вряд ли смогут они ощутимо приостановить победное шествие мировой демократии. Чуть более действенным тормозом может быть партизанская война.

Современные международные террористы за малым исключением и есть эти самые бойцы невидимого фронта. Из их числа следует, конечно, исключить откровенных бандитов, наемников различного ранга и пошиба, а также просто обманутых. К террористам правильно относить только людей, осознанно и добровольно ухудшающих условия личного существования ради каких-то идей по переустройству человеческого общества. Такими были, например, российские народовольцы и эсеры, из наших современников – Усама

бен Ладен. Оправдать их нельзя, так как невозможно простить гибель от их рук невинных людей. Понять тоже нельзя, так как мышление их архаично, неподвластно общечеловеческой логике. Остается одно – преследовать как бешеных собак.

Есть, правда, маленький нюанс. Идеологический пресс Запада давит всех, но остаются люди, чудом сохраняющие независимость мышления и способность отчаянно отстаивать свою правду. Таких мало, все они на вес золота. Вот почему если террорист одумается, покается в грехах бурной молодости, согласится стать лояльным членом общества, то получает прощение. Таков, например, уже бывший Верховный представитель Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности, а в недалеком прошлом генсек НАТО. Тот, под чьим руководством этот агрессивный блок в 1999 году принял решение о начале военных действий против Югославии с целью оттяпать у нее Косово.

Отщепенцев, однако, единицы, и ожесточенность террористической, а по существу партизанской, войны достигла предельного накала.

Можно долго рассуждать о специальных школах подготовки диверсантов, об эффективных методиках их психологической обработки, но нельзя закрывать глаза на очевидное: если человек записался в смертники, значит он доведен до отчаяния. Если террористов-смертников много, значит возмущены огромные народные массы.

Неправильно называть происходящее хантингтоновской схваткой цивилизаций. Где б ни родился человек, к какой бы расе или нации он ни принадлежал, в первую очередь он просто человек. По-настоящему он негодует не тогда, когда ему вместо привычного бутерброда предлагают гамбургер по заокеанскому рецепту, а когда происходящее вокруг противоречит его внутреннему моральному кодексу.

Не следует, однако, начинать собирать на кухне бомбу, если горит душа. Надо иметь мужество посмотреть правде в глаза и признать, что невозможно партизанскими методами нацелить в правильное русло движение западной демократии. Приостановить, сдобрить капелькой горечи ее победу – есть маленький шанс. Но не победить. Уж больно хитер и коварен враг, способен питаться кровью своих противников. Угроза террористических актов, например, оправдывает введение полицейского надзора поголовно над всеми гражданами – а это именно то, что нужно для лучшей управляемости современного западного общества. То, что растравляет аппетиты его заправил.

Необходимо опереться на идеологию, способную противостоять западной.

Но кто может воздвигнуть препятствие для духовной деградации человечества? Мусульманский мир? Маловероятно, что он объединится. Набирающий силу Китай? Может быть. Но не сейчас. Да и вряд ли стоит ждать от него бескорыстия. На восточного друга надейся, но сам не плошай. А

что можем мы, русские? И надо ли нам браться за сие неблагодарное дело?

Да, во времена лидерства Советского Союза в научно-техническом и социальном прогрессе Запад не решался пускаться во все тяжкие, вынужден был гадить с оглядкой. Сейчас нет у него тормозов. Россия начала двадцать первого века не то государство, больно на нее смотреть. Население стремительно вымирает, производство высокотехнологичной продукции разрушено. Границы неестественны, а этнических русских в соседних странах искусственно дерусифицируют. О каком-либо государственном суверенитете говорить просто смешно, когда власть предержащие, от мала до велика, держат огромные счета в иностранных банках, а деток отправляют в престижные учебные заведения Европы или Америки. Материальные ресурсы и умы непрерывным потоком продолжают высасываться из страны.

Возникает два вопроса.

Первый: что мы, русские, из себя представляем, коли дошли до жизни такой, почему допустили распад великой державы?

Второй вопрос, сакраментальный: что нам сейчас делать?

Ответы даются ниже. Удовлетворительны они или нет, решайте сами.

О расах и народах

Кто не желает приткнуться к кому-нибудь добровольно – того заставят. Вне зависимости от профессии и занимаемого общественного положения все люди распределены по множеству групп – это непреложный факт. Помимо принадлежности к гражданам какого-нибудь государства, что официально подтверждается наличием соответствующего паспорта или иного документа, людей принято подразделять по расовым признакам и национальности, по роду-племени и своей «малой» родине, по языку и так далее. Плюсы и минусы различного гражданства в общем понятны. А какие преимущества и недостатки присущи той или иной расе или народу?

Человеческие расы

Подразделение людей на расы осуществляется по внешним данным, как говорят, по фенотипическим признакам – губастый кучерявый негр разительно отличается от бородатого европейца и косоглазого азиата.

Известно, что расовые отличия наследуются. От китайцев происходят китайцы, от белых джентльменов – белые (конечно, если не было адюльтера). Потомство от смешанных браков несет расовые отличия обоих родителей и ничуть не хуже «чистокровных». В качестве примера достаточно вспомнить про Александра Сергеевича Пушкина, дед ко-

торого по материнской линии был самым что ни на есть настоящим негром. А наиболее красивыми и умными женщинами издревле считаются знойные мулатки.

Древнейшая расовая теория изложена в Библии. Якобы у Ноя, семья которого единственная пережила всемирный потоп, было три сына – Сим, Хам и Иафет. Их потомки и породили разные расы. Соответственно желтую, черную и белую.

Библейская версия генезиса рас удовлетворяла пытливые умы до тех пор, пока Колумб не открыл Америку. Там обитали люди, напоминающие азиатов. Однако вот орлиный нос, кожа хоть и желтая, но с красноватым оттенком… Похожи, да не совсем. А потом, когда объявилась Австралия с ее аборигенами, бесчисленные острова Тихого океана с меланезийцами и полинезийцами, когда европейцы встретили пигмеев тропической Африки и Малакки и прочие народы, не укладывающиеся в прежнюю расовую классификацию, возникли недоуменные вопросы.

А тут еще археология преподнесла очередные сенсации. Находки последней трети двадцатого века дали весомые основания утверждать, что древнейшие жители европейской части Средиземноморья – типичные негроиды. Автохтоны же Средней России и, в частности, Подмосковья – явные австралоиды. Есть от чего закружиться голове.

Короче говоря, наступил благодатный момент для ученого мудрствования.

Одни уважаемые антропологи стали увеличивать число

человеческих рас. Другие, более эрудированные, в пику первым – уменьшать. Традиционно страдали негры. То объединят их с монголами, то присоединят к европейцам. Заявят, например, что эфиопы, эти европеоиды-меланхрои, сохранили первозданный облик исходной бело-черной расы: окрас оставили африканский, а все остальное – пропорции тела, форму черепа, носа, глаз и так далее – сберегли в соответствии с европейскими канонами.

Не будем уподобляться великим ученым мужам, все равно переговорят они кого угодно. В конце концов, не так важно, сколько на Земле человеческих рас и по каким фенотипическим признакам правильнее подразделять людей. Важнее отметить следующее обстоятельство: расовые отличия абсолютно несущественны при рассмотрении человека как разумного существа.

Конечно, врожденные способности у всех разные. Если родители больные или ребенок не получает полноценного питания, нормального воспитания и образования, то не сумеет раскрыть свой потенциал. Например, при недостатке в пище соединений йода замедляется развитие умственных способностей. А если, скажем, с ранней юности злоупотреблять пивом, то можно приобрести так называемое пивное слабоумие. Родовая наследственность, естественно, также имеет значение. Известны славные династии политиков, ученых и деятелей искусства. Потомство выдающихся людей получает ценные качества, взлелеянные родителями, с боль-

шей вероятностью, чем сынки и дочки обычных людей, не отмеченных особыми талантами. Изюминка здесь в следующем: с большей вероятностью, но не наверняка. Вот почему наряду с достойными продолжателями ярких свершений отцов наблюдаются и многочисленные случаи вырождения великих родов. Недаром существует поговорка, что природа отдыхает на детях гениев. В общем, если взять наугад, скажем, новорожденного папуаса, все предки которого были неграмотны, и представителя известного раввинского рода, окунуть их в ласку и внимание, позаботиться о хорошем образовании, то вряд ли шансы чуда-юда опередить в чем-нибудь своего соперника будут ощутимо выше пятидесяти процентов.

Спохватившись, сколько копий сломано по поводу и расового равенства, и дискриминации, оставим эту тему. Вопрос закрыт. Отметим только один момент.

Природа щедра, но не расточительна. Все лишнее, ненужное довольно быстро исчезает. Коли расовые отличия сохраняются многие тысячелетия, значит они жизненно необходимы, несут важную функциональную нагрузку. Какую?

Можно предположить, что образование и закрепление в поколениях различных расовых признаков есть причина и следствие поддержания полноты человеческого генома, некая страховка природы от вырождения вида *homo sapiens sapiens*`а.

Уместно провести следующую аналогию.

В биологии используется такое понятие, как биоценоз, под которым подразумевается совокупность живых существ – различных одноклеточных, растений и животных – обитающих в какой-нибудь области. Говорят, например, «биоценоз озера», «биоценоз леса». Геобиоценоз – совокупность живых существ всей планеты. Чисто математическими методами доказано, что устойчив, то есть может существовать неопределенно долгое время, только геобиоценоз. Любая меньшая совокупность живых существ довольно быстро обедняется и вымирает. Вы сами можете в этом убедиться: все наши парки, пригородные и прочие искусственные делянки требуют постоянного человеческого внимания. Пусти на самотек – зарастут сорняками и зачахнут. Так, может, наличие разных рас и постоянный взаимообмен генами при смешанных браках и есть природный механизм обеспечения живучести человека как биологического вида?

В 1876 году умерла Труганина, последняя тасманийка. Не раздался ли первый удар колокола по всему человечеству?

Древние люди, более близкие к природе, чем мы с вами, прекрасно чувствовали, что расовые отличия скорее всего не горе, а благо. Археологические находки свидетельствуют, что на заре цивилизации бок о бок жили представители различных расовых линий. Так было в Мохенджо-Даро и Хараппе, в Шумере и Египте, в древнейших культурных очагах Европы и Срединной Азии. Настороженность к человеку с иной кожей или другим разрезом глаз пришла позже, а тео-

ретическую подпорку получила еще позже.

Хорошо, а что дает разделение людей по национальности?

Что такое национальность?

Считается, что современные народы образовались в результате переноса чувства общности с родителей, с других милых сердцу родственников вначале на ближних, а затем и на дальних соседей.

Предполагается, что самые древние устойчивые человеческие сообщества были родовыми. Под родом принято понимать кровнородственное объединение людей, связанных коллективным трудом и совместной защитой общих интересов, а также общностью языка, нравов, традиций. По мере усложнения хозяйственной жизни, «своими» разумно стало считать не только родных, но и чужих по крови людей. Тех, которые говорили членораздельно, проживали не очень далеко, имели те же самые обычаи и традиции, а при желании или в случае необходимости участвовали в совместных военных мероприятиях. Таким образом родовой строй постепенно размывался, превращался в племенной.

Во времена расцвета рабовладения и феодальных отношений образовались довольно устойчивые общности людей, называемые народностями. Подавляющее большинство их – шумеры, хетты, этруски, эфталиты, готы, чудь белоглазая, мурома и многие-многие другие – пропали, растворились в других народах. Более живучие и крепкие сохранились до

наших дней, а часть из них якобы превратилась в нации.

К сожалению, удобоваримого разъяснения понятия «нация» не существует до сих пор.

Одно из современных определений нации гласит, что это «устойчивая общность людей, исторически сложившаяся при условии единства языка, территории, экономики и некоторых психических черт, вырабатывающихся на основании общей культуры». Сие утверждение не выдерживает критики.

Единство языка? Хорошо, предположим. Известно, что в Швейцарии четыре государственных языка – немецкий, французский, итальянский и еще какой-то. Причем италоговорящий швейцарец плохо или совсем никак не понимает франкоговорящего. Стало быть, нет такого народа – швейцарцы? Сообщите эту новость жителям Берна, Женевы или Цюриха. Боюсь, они донельзя возмутятся.

Территория, экономика? Этнический русский, переехавший на постоянное место жительства, скажем, в Америку, в мгновение ока превращается в стопроцентного американца? Обрадовавшись комфортному существованию в каком-нибудь богатом районе, забывает о бесконечно важных кухонных посиделках, о соленых огурцах и квашеной капусте? Что-то сомнительно. Этнический китаец, знающий только родной язык, всю жизнь пребывавший в чайна-тауне какого-нибудь американского мегаполиса, общающийся только с себе подобными, – неужели он тоже настоящий американец?

По документам, конечно, он гражданин США. А в душе? Если спросить у него, кто он такой, то скорее всего он припишет себя к той исторической провинции Китая, где жили его деды-прадеды.

Введение словосочетания «некоторые психические черты» в тело определения не совсем корректно. Необходимо указать, какие именно черты. Или хотя бы очертить область, в которой они проявляются. Но вместо этого далее идут слова «общая культура», что вообще граничит с безграмотностью.

Общепринято под культурой понимать искусственную среду человечества, то есть совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их созидания и умение использования. Иными словами, «находится» культура в трех ипостасях: во-первых, в общественном сознании людей; во-вторых, в их поведении и действиях; в-третьих – в материальных результатах человеческой деятельности. Причем материальная культура не сводится к произведениям искусства, продающихся на аукционах по астрономическим ценам. Это и все привычные вещи, что окружают человека, а также дороги, здания и насыпи, орудия труда и культивируемые растения, домашние животные и так далее.

Вроде бы нет несогласных с таким наполнением понятия «культура». А коли так, то не надо без особой нужды писать в научном тексте «общая культура» – не может она быть никакой иной! Она едина для всех людей на планете. Допустимо

говорить разве что о различном уровне усвоения культуры и использовании ее достижений. «Культурный» или «некультурный» человек есть обывательские, контекстные выражения.

Необходимо отметить, что непорядок в области понимания, что это за общность – «нация», царит давно. Классики наши явно не справились с разъяснениями. У Сталина в статье «Марксизм и национальный вопрос» при определении нации также чересчур вольно употребляется слово «культура». А евреям будущий вождь всех народов вначале вообще отказывает в праве претендовать на национальность, но далее как-то ненароком «забывает» об этом. Если уж в работах самого Иосифа Виссарионовича содержатся, мягко говоря, огрехи – что ж говорить о прочих мыслителях?

Помимо официальных, академических, существуют частные определения нации, альтернативные используемым в большой науке. Некоторые подразумевают под ней «общность людей, обладающей общей славой в прошлом и общей волей в настоящем». А великий сенегалец Леопольд Седар Сенгор, например, утверждал, что «нация – это воля к созиданию, а чаще к преобразованию…».

Ну, насчет «прошлой славы» возникают такие сомнения, что и обсуждать не хочется, а вот по поводу «воли» сделаем небольшое замечание. В психологии под волей понимают «сознательное регулирование деятельности, связанное с преодолением внешних или внутренних препятствий».

В даваемых же пояснениях упор делается в основном на «преодолении». Чувствуя недостаточность, неполноту закавыченного высказывания и то, что «преодоление» – это не главное, дадим свое краткое описание понятия воли.

Если ненароком прикоснуться к чему-нибудь горячему – отталкиваешься чисто инстинктивно. Здесь, конечно, ни о какой воле говорить не приходится. Однако в других ситуациях нежелательность какого-нибудь внешнего воздействия *осознается*, и человек не инстинктивно, а осмысленно, целенаправленно старается вернуться в комфортное состояние. Иногда такой порыв реализуется как бог на душу положит, иногда – по специально составленному плану с учетом массы дополнительных обстоятельств. Например, когда вы долго пролежали на пляже под палящим солнцем и почувствовали, что пора перевернуться со спины на живот, то обычно не утруждаете себя выбором, через какое плечо, правое или левое, совершить переворот, а делаете это машинально. В другой ситуации вы можете из общих соображений оценить, что пора бы и меру знать, разумнее вообще уйти в тень, и начинаете вырабатывать в уме довольно сложную последовательность действий.

Причина, породившая какой-то психический порыв, может не осознаваться, а связь между ней и соответствующим действием – быть скрытой и не однозначной. Например, почувствовав неприятную пустоту в желудке, вы можете долго заниматься неотложными вещами. При этом ощущение го-

лода может вовсе пройти, но вы, запомнив его, «из общих соображений» при удобном случае все равно что-нибудь перекусите.

Какой-либо материальной причины может вообще не существовать, а стремление добиться чего-нибудь может возникнуть вследствие ваших чисто внутренних, духовных переживаний, когда-то осознаваемых, а когда – нет. Из личных посылок, не всегда объяснимых ни себе, ни людям, вы можете записаться в спортивную секцию, выучить понравившуюся песню или стихотворение, решить поступать в какое-нибудь учебное заведение, приобрести чем-то привлекшую вас профессию, и так далее. Возможно, вам найдутся попутчики, которые будут делать то же самое, что и вы, но уже из своих соображений, иногда далеко отличных от ваших.

Так вот, описанный порыв, *осознаваемый*, но сугубо *индивидуальный*, взятый в самом что ни на есть своем «очищенном» виде, *в отрыве* от всех возможных и невозможных материальных и нематериальных причин, его породивших, и есть то, что наиболее уместно называть *волей*. Выбор же способа реализации этого порыва уже не имеет к рассматриваемому понятию прямого отношения. Точно так же лежит вне воли упорство, настойчивость в достижении задуманного, «преодоление внешних и внутренних препятствий».

Акт сотворения волевого порыва, очевидно, начинается в эмоциональной сфере, как и производство любой новой мысли.

Легко заметить, что при изложенном понимании воли она никак не может быть общей. То есть фигурировать в каком-либо определении нации. Люди объединяются для свершения общих дел, но при этом всегда у каждого из них свой порыв. Есть взаимовыручка и взаимоподдержка, есть кооперация и подчинение, принуждение, введение в заблуждение и прочее и прочее – но нет общей воли.

Да и как можно говорить, например, об общенациональной воле, когда большинство людей всю сознательную жизнь не задумываются о проблемах и заботах своего народа? Если ж проскочит у кого-нибудь одна-другая мыслишка по данному поводу, то вряд ли он легко найдет единомышленника. Богач думает об одном, нищий о другом, домохозяйка – о третьем, и лишь общественный деятель, прихотью судьбы заброшенный на руководящий пост, принужден подумывать иногда что бы этакого сделать, чтобы народ чувствовал себя более-менее сносно.

Нет, воля не имеет никакого отношения к понятию нации.

Ощущая слабость тылов, многие социологи стараются меньше употреблять слово «нация», предпочитая пользоваться «этносом». Однако хрен редьки не слаще.

В настоящее время наиболее распространенное определение этноса гласит, что это «осознанная культурно-языковая общность». Ну, про культуру и единый язык выше уже говорилось. Остается «осознанная общность». Лев Гумилев, кстати, именно этим и ограничивался: в его понимании эт-

нос есть совокупность людей, осознающих свое единство, и более ничего. Ни общего языка им не надо, ни территории, экономики и прочего.

Но достаточно ли для раскрытия понятия «нация» ограничиваться лишь самоосознанием своей общности составляющих ее людей?

С юридической точки зрения этого маловато: если б было так, то в девяностые годы двадцатого века большинство россиян записалось бы в евреи, в американцы или французы, в южноафриканцы или канадцы – да в кого угодно! – и уехало б из страны в поисках достойной жизни, подальше от пьяного маразма и воровского беспредела.

Недостаточно и с точки зрения здравого смысла определять народы только по осознанию их представителей своей принадлежности к ним. Сегодня я записался в китайцы, завтра буду говорить, что бразилец, – какие изменения со мной произойдут? Да никаких: «каким ты был, таким ты и остался…». Значит, все-таки есть что-то, определяющее твое отношение к конкретному народу? Есть! – все это чувствуют. Можно пойти дальше. Даже осмелиться утверждать, что все народы, обитающие на территории современной России, – якуты, мордва, карелы, татары, башкиры, евреи и так далее – в той или иной степени переняли это нечто общее от русских, от соседей и от самих себя. Не зря же любого россиянина, как бы он ни кочевряжился и ни возмущался, за границей называют русским.

Уместна следующая ассоциация. Если способности конкретного человека имеют генетическую природу, есть результат взаимодействия ДНК родителей, то его характер есть следствие генетики и условий жизни, воздействия всего окружения в процессе его воспитания и самовоспитания, образования и самообразования. А от поколения к поколению в традиции передаются, словно те же молекулы ДНК, некие общие, одинаковые для всех членов данного сообщества взгляды на мир и самих себя, На то, что значит – правильно жить, и как это делать. Прививаются типовые реакции на жизненные коллизии.

Именно эти особенности мироощущения естественно принимать за основу при определении нации и называть национальным характером. Что это за сущность и из чего она складывается, изучается довольно новой, но широко не известной наукой этнопсихологией. К сожалению, и отец-основатель ее Франц Боас, и его последователи оказались, мягко говоря, не в ладах с системным анализом. По этой причине докапываться до сути открытий этнопсихологии не менее хлопотно, чем добывать, скажем, бриллианты в Якутии. Необходимо сделать, по крайней мере, обстоятельное отступление.

Основы мироощущения человека

Начало и, возможно, завершение строительства в человеческой психике мироосознания осуществляется на осно-

ве неких *фундаментальных представлений*, как правило, не осознаваемых, не формулируемых в явном виде. К ним естественно отнести начальное восприятие окружающей действительности. А также собственное понимание свободы, то есть личное отношение к тому, что вне тебя – к себе подобным и ко всему прочему, живому и неживому, одушевленному и неодушевленному.

Выделение «Я – все остальное»

И всюду страсти роковые, и свой скелет притих в шкафу. Все народы похожи друг на друга, и все в чем-либо да отличаются.

Европейцы считают, что мир существует и изменяется совершенно независимо от желаний и потребностей конкретного человека. С ними солидарны арабы, индонезийцы и некоторые прочие народы, в том числе многочисленное мусульманское население Индии.

Ортодоксальные индусы и прочие народы, склоняющиеся к буддизму, чувствуют иначе: не только телесно, но и духовно человек является неотъемлемой частицей всего Мироздания. Аналогичного мнения придерживаются китайцы и японцы, а также большинство африканцев и индейцев, автохтонов Америки.

Сопоставление прозвучавших утверждений позволяет сделать вывод, что граница между Востоком и Западом, между восточным и западным складом мышления прочерчена не в пространстве, не на географической карте – она в умах.

И специального осмысления требует следующий факт: в настоящее время людей, склоняющихся к мнению о независимости от человека окружающей действительности, примерно столько же, сколько тех, кто не отрывает себя от нее. У первых (точнее, у некоторой их части) есть Бог, у вторых могут быть только суррогаты Оного.

Если мир – это не ты, значит он является некоей «объективной реальностью», за которой можно подсматривать со стороны, подмечать природные закономерности и подстраиваться под них. Предполагая за внешними явлениями определенную одухотворенность, можно дорасти до идеи Бога как Причины и Следствия Мироздания, как самодостаточной Личности. Кто бы что ни говорил, но религия начинается с приписывания окружающей действительности свойства субъектности. Если есть у нее сознание, чувства, воля – значит она разумна, и существует Бог.

Бог один. Когда называется два, три или более божества, неосознанно предполагается, что этот ряд можно продлить. И где-нибудь вдалеке от начала списка найдется местечко для каждого. При страстном желании, трудолюбии и терпении можно стать Буддой и творцом части Мироздания. А окружающий материальный мир действительно окажется всего лишь Майей, иллюзией… В то же время разделение Единого на различные ипостаси, воплощения и прочие аватары, на святых и их нетленные мощи, на другие предметы культа говорит о слабости человека, а не о изощренности его

ума.

Нам не дано доказать или опровергнуть существование Бога, и с этим положением необходимо смириться. Разумно полагать, что все чудеса, включая появление пасхального огня и мирроточие икон, неопознанные летающие объекты и лечебная сила святых мощей, рано или поздно получат вполне материалистическое объяснение. Но оно не приблизит и не отодвинет нас от решения загадки, есть ли Бог.

Если ж человек считает себя неотъемлемой частью большого мира, то в какой-то степени сравнивается с ним. Поэтому Бога у него быть не может. Может быть культ предков, сложные ритуалы, синтоизм и буддизм и много чего еще, но не Бог.

Чем одна точка зрения хуже другой? Какой выбор правильнее? Боюсь, что и на этот вопрос человечество никогда не найдет ответа. Возможно, для всех мир становится таким, каким они его себе представляют. А «на самом деле» он есть и то, и другое.

Отношение «Я – природа»

Представимы только две генеральные линии человека пребывания в мире, *две стратегии обустройства жизни*. Первая – принятие природы как она есть, приспособление к ней, подстраивание собственных запросов под существующие, порой весьма ограниченные возможности. Вторая – переделка окружающей среды в соответствии со своими постоянно возрастающими потребностями.

И ежу понятно, что в «чистом» виде невозможно следовать ни по первому, ни по второму пути. Расчищая место для будущего дома или начиная пахоту, ты вторгаешься в природу, и сколь мало ты б ни взял у нее, ты уже нарушил ее исходное состояние. С другой стороны, выращивая кубические помидоры в оранжерее, регулировку температуры в ней нельзя осуществлять с полным пренебрежением внешних условий. Это так, но дело-то не в поведении, а в позиционировании себя. Аршин свой каждый выбирает сам. Человек испокон веков, сознательно ли нет, соизмеряет свои действия исходя из отношения к природе или как к Храму, или как к Мастерской. Третьего не дано.

Древнейшей является стратегия почтительного преклонения перед окружающей природой. Ее защиты и заботливого пестования. Ее одухотворения. Первые человеческие божества – духи стихий, лесов, лугов, гор, даже отдельных рощ или деревьев и источников воды. Все сохранившиеся до наших времен людские сообщества, ведущие первобытный образ жизни, как бы «настроены» на вечное существование: они почти не насилуют природу, слились с ней, сократили свои потребности до минимума. При этом, однако, духовная жизнь их насыщена до предела, бытовые коллизии отвердевают во множестве сказаний, мифов и притч. У них свои, отличные от имеющихся у «цивилизованных» людей трагедии и комедии, но идеалы счастья доступнее: золотой век лучше железного.

Вопрос, какая из имеющихся стратегий лучше, долгое время не имел смысла, поскольку каждая из них подразумевает собственную шкалу ценностей. «Лучше» и «хуже» возникает потом, но уже в разных единицах измерения, несопоставимых друг с другом, как, например, секунды и килограммы. С ростом народонаселения и увеличением человеческих потребностей нагрузка на природу возросла. Все громче звучат предостережения о скором истощении ресурсов планеты. Все влиятельнее неомальтузианцы. Поэтому представляется, что более древний взгляд на окружающую среду правильнее.

Отношение «Я – остальные люди»

Отношение к природе нерасторжимо с отношением к себе подобным, а вместе на их основе формируется первичное представление о направленности выстраивания своего поведения, наполняется идеал *свободы*, то есть ощущения себя относительно воспринимаемого мира.

Понимание человеческой свободы зажато двумя крайностями.

Первая подразумевает огораживание от внешней среды и других людей, противопоставление им себя, формирование своих, личных жизненных целей и достижение их, преодолевая возникающие препятствия. Пусть ты расшибешь себе голову о стенку – главное, чтобы никто не мешал тебе колотиться об нее. На вопрос дружеской анкеты «Ваше представление о жизни?» Карл Маркс не раздумывая ответил: «Борь-

ба». В этом – суть европейского ощущения свободы, наиболее выпукло проявляющаяся в среде протестантов. Ради самоутверждения человек принуждается к постоянному противостоянию всему внешнему бесчувственному и противоборству с себе подобными.

«Что хочу, то и ворочу…» – казалось бы, естественное и единственно правильное понимание свободы. По-иному вроде бы и мыслить нельзя. Но только на неискушенный взгляд.

Реализация поставленных и постоянно множащихся целей и планов требует от европейца неуклонных забот, нудной и безостановочной работы в сером потоке дней. Незаметно для окружающих и самого себя он становится каторжником своего чудного будущего, рабом собственных, все возрастающих и разрастающихся потребностей. Что в итоге? В результате его свобода оборачивается полнейшей зависимостью от неподвластных ему жизненных обстоятельств.

В Бхагавадгите, между прочим, есть такие слова: «Дела, совершенные не для жертвы, – оковы…».

Второе крайнее понимание свободы требует поступать с учетом интересов других людей, в соответствии с заботами и проблемами окружающего мира. Тем самым теряешь свою индивидуальность, лишаешься свободы? Не совсем. В жизни нет ничего однозначного. Собака виляет хвостом, а хвост – собакой. По-настоящему свободен только тот индивидуум, который принял *личное участие в строительстве* своего

Мироздания. Лично вырабатывал правила совместного поведения, чтобы не чувствовать стеснения. Ведь если ты сам установил законы общежития, они не являются для тебя путами.

Конечно, для человека невозможно добиться полной свободы ни в первом, ни во втором ее понимании. Как бы кто ни холил свою уникальную личность, в обществе себе подобных он постоянно вынужден искать компромиссы, подлаживать свои интересы под чужие. С другой стороны, самый отчаянный альтруист не может никак не заботиться о себе самом. Чтобы быть полезным другим, он должен овладеть многими знаниями и навыками, то есть развить себя как индивидуум. Таким образом, стремление к свободе опирается не на поведение, не на результаты своей деятельности, а на позиционировании себя: либо тянешься к собственной независимости, либо создаешь гармонию вокруг себя.

Национальный характер

О национальном характере и, в частности, о «загадочной русской душе» написано немало. Но коли раз за разом возвращаются к этой теме, значит и предыдущие, и самые последние пояснения не убедительны. Много тому причин. Главная из них, вероятно, в том, что одними словами не раскрыть характер народа. Этнические особенности лишь чуть-чуть касаются вербальной сферы, но основным телом своим лежат много ниже – в области бессознательного, архе-

типичного. Строятся на приведенных выше фундаментальных представлениях о себе и окружающей действительности и принадлежат миру эмоций и чувств, почти не подвластных человеческому разуму. Кроме того, важную роль играют природные условия обитания и пройденный исторический путь предков, их культурные достижения. В результате воздействия всех этих факторов и создается то уникальное, что принято называть национальным колоритом.

Под характером человека обычно подразумевают совокупность психических качеств, характеризующихся устойчивым отношением к различным сторонам действительности и тем самым определяющих особенности деятельности данного человека. Следуя в кильватере этого высказывания, под характером народа можно понимать совокупность отмеченных психических качеств, доминирующих в характере большинства его представителей.

В гуманитарной области знаний терминология зачастую не обладает требуемой строгостью. В русском языке, в частности, слова «ощущение», «эмоция», «чувство» слабо разведены и зачастую употребляются как взаимозаменяемые, как полные синонимы. Здесь требуется их четко разделить.

Под *ощущениями* (при строгом употреблении этого слова) резонно понимать простейшие психические переживания, вызванные показаниями органов чувств – тепло, светло, тихо, мягко и так далее.

Эмоции – это более сложные психические переживания

вроде страха, радости, гнева, желания чего-нибудь и прочее.

Чувства же есть комплексы эмоций, сформированные с прямым или опосредованным участием мышления и опирающиеся на весьма специфичную психическую особенность человека – способность испытывать *симпатию* (или антипатию), сопереживать кому-либо или чему-то. К чувствам относятся, например, дружба, патриотизм, родительская любовь, особый эмоциональный подъем, испытываемый при нахождении решения какой-нибудь сложной задачи, и так далее. В отличие от эмоций, сосредотачиваемых внутри себя, чувства всегда направляются вовне – на другого человека, на воображаемый или реальный предмет. Познание окружающего мира, в частности, также требует *выхождения* познающего из самого себя, что невозможно без чувственных переживаний.

У новорожденного вначале регулируется сфера ощущений. Он учится осязать, слышать, через некоторое время приобретает способность видеть и распознавать то, что увидел. Параллельно с этим, но с небольшой задержкой формируется эмоциональная сфера. Чувства возникают много позже совместно с мышлением, под влиянием других людей в так называемых *первичных общественных группах.*

Как некий живой организм, человеческое общество состоит из великого множества постоянно взаимодействующих между собой клеточек или ячеек. Каждый из нас в течение всей своей жизни принадлежит сразу нескольким таким кле-

точкам. Первоначальная наша ячеечка – мать и дитя. Затем семья, ближайшие знакомые, соседи, детсадовские группы или образования типа няня-ребенок, функционеры учебных заведений, магазинов, поликлиник и больниц, театров, фабрик, контор, полиции, прочих учреждений государственной власти и так далее и тому подобное. Взаимопроникновение друг в друга этих клеточек создает из множества людей, живущих в данное время в данном пространстве, нечто единое, целое. Приобретает системные свойства, то есть получает свою память, некое сознание, интересы и цели. Короче говоря, возникает то, что собственно-то говоря и называется человеческим обществом.

В этом бурлящем людском круговороте каждый человек ищет свою тихую пристань. За день он сталкивается с огромным количеством людей. Малая часть их попадает в круг его непосредственного общения, еще меньшая – в просто знакомые. А совсем ничтожная часть проникает в *свои.* В ту ограниченную группку особей, которые задевают его чувства, с кем он говорит о себе, о них и обо всем прочем, *по душам*, И если ты симпатизируешь им, а они – тебе, если жизненные обстоятельства отводят вам достаточно времени для общения, то возникает упомянутая выше первичная общественная группа.

В социологии под этими группами понимают относительно устойчивые объединения, созданные на основе симпатии, эмоционального и мысленного распространения себя на дру-

гого, близкого и понятного тебе человека. Тот круг общения, в котором возможно зарождение и существование *единомыслия*.

Единомыслие необходимо отличать от подобномыслия, когда люди по-разному относятся к предмету своей деятельности. Грубый пример: многие следуют заповеди «не убий», но один из страха быть уличенным в злодеянии, другой из опасения, что сам может пострадать в завязавшемся противоборстве, третий – из глубокого убеждения в неприемлемости нанесения кому-либо вреда. Более тонкий пример: в Великий пост многие отказываются от употребления мясных продуктов, но один из соображений полезности, другой чтобы похудеть, третий потому, что так предписывает церковь, четвертый потому, что так поступают окружающие, пятый же – из желания приблизиться к Богу. Все перечисленные думают подобно, но не едино. Результат, внешние проявления их психической деятельности одинаковы, но внутренние переживания различны.

Иными словами, подобномыслящие – все равно что случайные попутчики в автобусе или вагоне метро: они вместе, но каждый едет по своим делам, занят обдумыванием собственных проблем, и нет ему никакого дела до вас.

Только в первичных общественных группах через единомыслие может происходить создание и передача от одного человека другому, от одного поколения людей следующему того, что называется *ценностными ориентирами*. С помо-

щью этих психических конструкций социальная система направляет человека на принятые в ней способы поведения и удовлетворения своих потребностей с тем, чтобы обеспечить возможность коллективных действий, само существование индивида в обществе. Проще говоря, тебе разъясняют, что такое хорошо и что такое плохо, а также добиваются того, чтобы ты поступал хорошо не потому, что это хорошо, а потому, что поступать именно так тебе будет приятно. Таким образом ты сам оцениваешь свои поступки и мысли исходя из действующей в обществе, «правильной» линии поведения, эмоционально окрашенной для тебя положительно.

Некоторые психологи полагают, что ценностные ориентиры представляют собой сложную гамму чувств и эмоций, ассоциативно связанную с некими предметами, в качестве которых может быть что угодно – буквально все, что может быть воспринято и запомнено человеком. Возникновение в сознании этих предметов приводит в движение весь тянущийся за ними клубок чувств и создает импульс к некоему типичному действию.

Именно система ценностных ориентиров создает *мироощущение* человека, то есть способность не только видеть мир и себя в нем, но и оценивать, что есть добро, а что – зло.

Народы различаются огромным множеством мельчайших деталей организации быта и поведения. Однако принципиальные различия между ними определяются отличиями их ценностных ориентиров. Действительно, оказавшись в но-

вой обстановке, среди людей иной национальности, человек довольно легко и без особых проблем привыкает к необычной для него пище и одежде, традициям и обычаям, выучивает чужой язык. Только ломка внутренней системы ценностей, приобретение нового взгляда на жизнь, нового смысла существования происходит, как правило, чрезвычайно болезненно. Отсюда – что-то вроде собственного определения *национального характера* как *совокупности доминирующих психических качеств* относящихся к некоей исторически сложившейся осознаваемой общности людей, *обусловленных принятыми ими ценностными ориентирами*. Сама же эта общность, конечно, и есть нация. Или народ, этнос ли – в первом приближении это одно и то же.

О национальной специфике

Мироощущение, впитанное с молоком матери и обогащенное при общении с друзьями детства, а затем отшлифованное в более зрелом возрасте, порождает для каждого человека некий пакет правил правильного поведения, иными словами – «моральный кодекс». Относительно жизненного пути эти правила поведения есть одновременно все и ничего. Все – потому, что вносят главный направляющий вектор в человеческую жизнь, а ничего – потому, что каждый потенциально может проявить самостоятельность и скорректировать привитые поведенческие нормы. Для разных народов национальный характер фактически определяет их лицо,

условия существования, их роль в истории.

Дадим следующее сравнение. Пусть некто решил собственными силами совместно с ближайшими родными и друзьями отремонтировать доставшуюся по наследству квартиру. Этаж и объем жилища – их можно считать соответственно аналогами расовой принадлежности и природных способностей – изменить невозможно. Зато можно от души покуролесить внутри помещения – то есть создать самого себя как личность. Проще всего в этих целях использовать всевозможные инструменты и материалы, а затем различные бытовые устройства, купленные в соседнем магазине, – все это можно считать аналогами национальных ценностных ориентиров. Поскольку набор их ограничен, у большинства жильцов внутреннее убранство квартир будет примерно одинаковым. Но кое-кто, конечно, может поехать за материалами для ремонта в другой город, а то и выписать их из-за границы. Погордится собой: во какой я крутой! Ему повезет, если родные шурупы выдержат тяжесть заграничной люстры, а пестрота заморских обоев не расшатает нервы. Со временем он поймет, если поумнеет, что главное в жизни не дешевая показуха, и второй или третий ремонт жилища он проведет с меньшей вычурностью – вернется к национальным корням.

Рассуждая о нациях, их достоинствах и недостатках, необходимо всегда и всюду помнить следующее: какие б характеристики ни давали национальному характеру того или иного

народа, какие бы эпитеты ни придумывали – все они лежат вне сферы оценок «хорошо» или «плохо». На них глупо обижаться или гордиться ими. Национальные особенности возникают как результат исторического пути соответствующего сообщества людей и выработанного ею взгляда на жизнь. Ругать или хвалить сии сущности – все равно что осуждать европеоида за волосатость.

Так, традиционно итальянцев называют музыкальной нацией. Правильно, итальянцы любят петь, в Италии звучит много музыки, находятся самые прославленные оперные театры и хореографические школы. Однако если взять наугад какого-нибудь миланца и, скажем, лондонца, то априорно не известно, кто из них споет предложенную песню правильнее. Оценить можно талант только какого-то конкретного человека, у всех наций «способности» примерно одинаковые.

Разный характер – разное существование и результаты оной. Одни народы делают историю, другие откровенно наслаждаются жизнью. Эту мысль можно проиллюстрировать множеством примеров, мы ограничимся одним.

Помните, как в школьном курсе истории вам рассказывали о Яне Жижке, о гуситах и их подвигах? Выдвигалось много объяснений их успехов, кроме одного, по-настоящему верного. Незадолго перед сожжением Яна Гуса по Европе в очередной раз прокатилась жесточайшая эпидемия чумы. Вымирали целые области. А пригороды Праги по прихоти судьбы чума прошла стороной. В результате относитель-

ное количество чехов временно сильно выросло, они стали одним из самых больших народов Европы. Если б на их месте оказались, скажем, испанцы или французы, политическая карта мира претерпела б существенные изменения. А чехи не являются исторической нацией. Они живут себе и не тужат. Погуляли при удобном случае по европам, порезвились – и опять в свои уютненькие пивнушки.

Интересны отличия реакций представителей разных народов на бытовые коллизии. Например, после неудачной торговой сделки русский подсмеивается над самим собой. Надо же, опять обманули! Но ничего, голова и руки на месте – не пропаду. А впредь этого жулика буду обходить стороной. В такой же ситуации выходец из Дагестана или, скажем, любой среднеазиатской республики проникнется неподдельным уважением к обманщику: умный человек, молодец, надо бы познакомиться с ним поближе, поучиться у него. Еврей же воспылает ненавистью.

Приведенных примеров, мне кажется, достаточно, чтобы понять: знать национальный колорит и полезно, и интересно. Многие события становятся понятнее, когда в выпуске новостей сообщают национальности задействованных лиц. Да и отношения между государствами во многом определяются особенностями национального менталитета, наличием симпатий-антипатий между нациями.

Лев Гумилев всех западных европейцев относил к одному большому этносу, резонно подмечая, что различия в их ми-

роощущениях пренебрежимо малы. Однако и того, что есть, достаточно нам, русским, чтобы с большой симпатией относиться к французам, чуть с меньшей – к испанцам и итальянцам, а к немцам и англичанам испытывать настороженность.

Граждане Индии вне зависимости от их национальной принадлежности – вероятно, их внутренняя жизнь нам безразлична – пользуются нашей симпатией и уважением, как и греки с иранцами. А также, видимо, все латиноамериканцы. Разве что к кубинцам у нас больше любви, чем, скажем, к каким-нибудь панамцам.

Отношение русских к китайцам и арабам, слагаясь из диаметрально противоположных оценок и пристрастий, можно полагать, скорее всего, нейтральным. В то же время к японцам, как и к финнам – «чухони сопливой» – мы относимся с высокой долей превосходства. Но это еще цветочки. Большинство южных тюркоязычных народов, извините за разнузданную откровенность, для нас вообще неполноценные люди, «чучмеки», «чурки». А слова «турок», «турка» в русской глубинке до сих пор еще используются как заменитель эпитета «дурак». Американцы же у нас ассоциируются с избалованными, умственно недоразвитыми детьми.

К относительно малым европейским народам чувственного отношения у русских не выработано. А зря: ярое, неподвластное рациональному объяснению русофобство поляков и венгров давно требует адекватной реакции. Да и эстонцам с латышами и литовцами пора бы выставить счет за много-

численные исторические прегрешения перед нами. Вот только соответствует ли подобное поведение русскому национальному характеру?

Сопутствующие вопросы

Рассуждая о национальной специфике, нельзя забывать, что мы оперируем «средними» характеристиками. Выбранный наугад немец по складу характера, по поведенческим стереотипам может оказаться более русским, чем какой-нибудь ростовчанин. Рядовой американец может иметь ярко выраженный китайский менталитет и так далее.

Допустимо сравнение народа, скажем, с пшеничным полем, окультуренным из рук вон плохо. На котором сортовые колосья соседствуют с разнообразными мутантами и сорняками, а также занесенными невесть каким образом горохом, льном, горчицей и так далее. Подобная засоренность, между прочим, не зло, а польза для любой нации, ибо придает ей дополнительную устойчивость к внешним веяниям. Ядро – в сравнительном образе обычная пшеница – лучше сохраняется.

Возникает вопрос, а

кто такие основные носители национального характера, где они живут?

Кто – в общем-то понятно: так называемые обычные люди, труженики. Те, что не занимают высоких руководящих постов, не мелькают на экранах телевизора, не ломают голо-

ву, куда вложить очередной миллион – в океаническую яхту, в спортивный клуб или в новую виллу в каком-нибудь благодатном месте у черта на куличках.

Где живут? – тоже полная ясность. Население всех больших городов космополитично. Поэтому ответ очевиден: носители национального характера обитают в основной своей массе в глубинке. В маленьких городах и деревнях, в рабочих поселках и на хуторах. Там, где жизнь никуда не спешит, не гонит, а новшества добираются ой как не скоро. Новые машины, лекарства и бытовая техника вкрадываются в повседневность, как клещ в штанину. Быт привыкает к ним потихоньку и успевает адаптироваться. Веяния моды затухают где-то на дальних подступах, и платья меняются не от сезона к сезону, а от поколения к поколению. Телевизор не разобщает, а сближает людей просмотром любимых передач совместно жильцами целого дома, а то и квартала. Даже Интернет дает повод лишний раз встретиться, чтобы в процессе личного общения обсудить ход сыгранной по сети партии в шахматы или какой иной, чисто компьютерной игры.

Но, конечно, наличествуют нюансы и исключения. Здесь не будем обсуждать всех, ограничившись несколькими словами в основном о себе, о русских.

Как в языках существуют различные диалекты, так жители разных регионов бескрайней Руси приобретают отличительные особенности. Сибиряки и поморы гордятся независимостью (зачастую мнимой) мышления, бесшабашностью,

физическими данными и силой воли. Жители Урала и Тулы, брянские мужики – плодами своего труда, умением делать то, что другим не под силу. Петербуржцы лелеют исключительную образованность и интеллигентность. Москвичи хвастаются своим человечком в длинных коридорах государственного аппарата власти да знанием законов и уложений, по которым им что-нибудь да причитается. Жители Подмосковья несут, как крест, ощущение своей неполноценности: надо же, никак не удается перебраться в столицу… Все мы разные, но в несущественных деталях. Когда ж заходит разговор о важном – и не узнаешь, кто откуда.

Каким образом национальный характер передается из поколения в поколение?

А черт его знает! Как говорилось выше, национальное самосознание формируется в первичных общественных группах. Но каким образом, с помощью каких слов, жестов, мимики? – доподлинно неизвестно. Ату, психологи!

Допустимо утверждать, что наследниками Киевской Руси являемся мы, русские, а не жители Украины. Почему? Хотя бы потому, что легенды и былины того времени сохранил народный фольклор российского Севера, Поволжья, Урала и Сибири. В самом Киеве редко вспоминают и Илью Муромца, и Добрыню Никитича.

В СССР национальность можно было выбрать любой. В США всех рожденных на их территории числят американцами. У евреев же исторически выработано железное прави-

ло: национальность детей определяется только национальностью матери. Вероятно, это наиболее мудрое решение, так как эмоциональная сфера ребенка формируется в первые месяцы жизни, когда фокус жизни и мира для него – мать.

Зависит ли характер народных масс от условий существования?

Да, зависит, но зависимость эта чрезвычайно сложна, многогранна и неоднозначна.

До отмены крепостного права количество уголовных преступлений, совершенных русскими крестьянами, лишь немного превышало количество правонарушений церковнослужителей. Если ж пересчитать количество преступлений «на душу» да предварительно вычесть те, что естественнее считать так называемыми «народными бунтами», вывод будет однозначным: крестьяне были самым законопослушным сословием царской России.

После кризиса крепостничества и последующим за ним «освобождением от земли» множество сельских жителей подалось в города, на растущие как грибы фабрики и заводы. Бывшие дворовые – «кухаркины дети» – пополнили ряды разночинцев, из которых произошли сперва «лишние люди», нигилисты, раскольниковы, базаровы и рахметовы, затем народовольцы и анархисты, а далее – пламенные революционеры. Они умели прислуживать за столом, но мечтали служить Родине.

Страна менялась очень быстро, условия жизни и труда –

еще быстрее, а развитие идеологической сферы образованной части русского общества отставало. «Славянофилы» ругались с «западниками», а меж тем подрастало следующее поколение, впитывающее, как губка, противоречащие друг другу мысли и идеи, мало связанные с традиционным, веками набиравшим глубину народным мировоззрением.

Мещане из малой общественной группы превратились в одно из основных сословий царской России. Части их захотелось красивой спокойной жизни с семейством слоников на комоде, другая часть возжелала богатства и власти, третьи же решили во что бы то ни стало прославиться, разрушив прежний мир и построив новый.

Результат оказался плачевным.

Лишившись корней, вырванные из привычных условий существования, потомки крестьян «раскачали» нравственные устои, полученные от своих предков, и обеспечили небывалый в русской истории всплеск преступности. Они были готовы на все: и на любое злодейство, и на любую жертву. Их не сдерживали никакие нравственные ограничители, у них просто-напросто не было устойчивых ценностных ориентиров.

Произошедшие революции усугубили нравственный кризис. В Гражданскую войну у красных и у белых была своя «правда», непонятная противной стороне. Очень скоро ожесточенность борьбы сделала невозможным любой диалог. И доныне потомки эмигрантов «первой волны» непримиримо

воюют в душе с наследниками тех, кто остался в стране.

Насколько устойчив, консервативен национальный характер?

Вопрос, не имеющий ответа. В чем-то народы не меняются веками и тысячелетиями, в другом – как говорится, подобны флюгеру. Однако сколь б бросающимися в глаза ни были изменения, часто они подобны свежему слою краски на древнем артефакте. Красоту прячут, но сути не меняют.

Пятьдесят лет назад в русских селах все дома стояли открытыми круглые сутки. В крупных городах треть квартир днем никогда не запиралась, а у следующей трети ключ от входной двери всегда лежал рядом, под ковриком. Сейчас – на каждом подъезде железные двери, каждая квартира с еще более мощной дверью, снабженной сейфовым замком. Господи, да что мы над собой учудили за несколько лет?!

Но не будем о грустном и приведем ряд приятных примеров.

С некоторой натяжкой можно сказать, что Великая отечественная война 1941-45 годов стала народной не в июне сорок первого, а позже, где-то с октября-ноября. Вначале, чего греха таить, сказался духовный кризис советского общества. Сдавались целыми полками и дивизиями – за считанные дни две трети кадровой армии оказались в плену. Множество сел и городков встречали вошедших в раж сверхчеловеков хлебом-солью. Отрезвление пришло, когда люди на собственной шкуре ощутили прелести «нового порядка». Когда стало

очевидным несоответствие между оккупационной жизнью и русским мироощущением, а в лексиконе государственных деятелей имена Розы Люксембург и Сакко с Ванцетти были заменены именами Александра Невского, Суворова, Кутузова и Дмитрия Донского. Одного лишь напоминания хватило, чтобы разбудить древние, казалось бы прочно забытые архетипы народного самосознания, исключающих саму возможность порабощения русских кем бы то ни было. Что с того, что армия разгромлена! Вставай, страна огромная, победа будет за нами.

Возможность сохранения отдельных поведенческих стереотипов демонстрирует следующее наблюдение. Если промелькнет новость о задержании в Москве заезжего рэкетира, можно с большой долей уверенности предположить, что это уроженец Казани или Набережных Челнов: их жители до наших дней донесли память о светлых временах баскачества своих предков на Руси. Совершенно другой народ – крымские татары – невольно вызывают у нас, русских, негодование требованиями отдать им родовые земли, занятые приезжими после выселения их при Сталине. Инстинктивно, на бессознательном уровне мы, русские, не питаем к ним жалости. И, кстати, правильно делаем: во время Великой Отечественной войны Гитлер вынужден был издать несколько специальных указов, одергивающих крымских татар от тотального истребления прочего населения Крыма. Как были они нашими недругами со времен ханов гиреев, так и остались.

В упомянутой выше статье «Марксизм и национальный вопрос» Сталин отметил имперские замашки грузин: все соседние народы они считали неполноценными. Особенно это касалось абхазцев и осетин. Ныне, спустя более века, ничего не изменилось. Спросите любого грузина, родившегося в Москве и ни разу не посетившего родину своих предков, – он начнет доказывать, что Абхазию и Южную Осетию следует во что бы то ни стало принудить отдаться на милость Тбилиси. А если распалится, может добраться и до идеи украшения уличных фонарей повешенными вождями соседних грузинам народов.

Еще один пример необыкновенной живучести национальных особенностей, скрытного их существования независимо от текущих веяний дает отношение бывших марксистов-ленинцев к религии. Лихие годы воинствующего атеизма канули в Лету. Ныне прежние секретари обкомов и горкомов, председатели парткомиссий и парткомов расшибают лбы в земных поклонах, вымаливая прощение старых грехов.

Можно ли насильственным путем изменить национальный характер?

Ответ абсолютно однозначный: нет, нет и еще раз нет.

Человека можно принудить практически к любому физическому действию: шагать, копать, ползать на коленях, говорить неправду, вталкивать в себя вторичный продукт, убивать… в общем, все. Но залезть кованым сапогом ему в душу нельзя. Перевоспитанием, «перековкой» взрослых людей

занимались много и долго. Результата пока еще не было.

Здесь уместно поговорить немного о таком явлении нашей цивилизации как война. С конца девятнадцатого века выяснилось, что военные мероприятия, проводимые с целью обогащения за счет соседа, ушли в прошлое. Грабить население побежденной страны – дело святое, никто не может запретить гулять по-взрослому, но общий баланс понесенных затрат и полученной прибыли стал отрицательным. После Первой мировой войны сия правда стала понятна большинству политиков несмотря на их профессиональную тупость.

Осталась одна причина расходования средств на гонку вооружений – детские болезни государственной организации народного хозяйства.

Гитлеровское правительство тратило бюджетные средства только на армию и военную промышленность. А страна меж тем феноменально расцветала: пропала безработица, жизненный уровень всех слоев населения вырос в несколько раз, на подъеме были технические науки и искусства. Жить стало много лучше, жить стало гораздо веселей и интересней. Почему? Рабочие на военных заводах получали высокую зарплату и приличную часть денег вкладывали в акции предприятий, производящих товары народного потребления. Вот тебе и всеобщее благоденствие.

Примерно так же устроено современное управление экономикой США. Каждая маленькая война впрыскивает до-

зу допинга в американскую промышленность. Правда, многие серьезные аналитики кричат, что ситуация коренным образом изменилась, что отработаны альтернативные приемы управления народным хозяйством, что вкладывать капиталы непосредственно в гражданские отрасли экономики выгоднее, – их не слышат. Или не хотят услышать. Вероятно, положение дел изменится только после большой встряски… брр.

Огромные арсеналы вооружений и множество людей, бряцающих оружием, одним своим существованием могут, конечно, подтолкнуть политиков к развязыванию войны. Но все же требуется некий *casus belle*, оправдывающий принятие решения о совершении будущих убийств. Подобный повод ищется применительно к конкретной международной ситуации, а желание создать его выращивается на благодатной почве различия национальных характеров агрессора и жертвы. Но какой б ни использовался спусковой крючок войны, у близких по менталитету народов всегда есть возможность договориться. В конце концов, они могут просто-напросто объединиться и жить вместе. Вот почему в настоящее время военные конфликты между ними могут возникнуть разве что по недоразумению или по глупости.

Если ж национальные характеры существенно разнятся, при определенных условиях мелкие уколы и недоразумения могут перерасти в вооруженные столкновения.

Гитлер в 1939 году развязал большую войну потому, что основу мировоззрения национал-социалистов – «германская

нация превыше всего» – не могли принять другие народы, и конфликт все равно был неизбежен. В настоящее время США решаются на одну военную акцию за другой потому, что большинство народов не разделяет их понятия о «правильном», то есть о демократическом по западному образцу политическом устройстве страны.

Сказанного достаточно, чтобы констатировать: действительные причины вооруженных конфликтов произрастают на противоборстве различных ценностных ориентиров. Война есть силовое столкновение моральных кодексов.

Итак, что мы имеем?

Народы различаются своим национальным характером. Четко и ясно.

Национальный характер – доминирующие особенности мироощущения относящихся к данной нации людей, обусловленные принятыми ценностными ориентирами. Ясно, но уже довольно расплывчато.

А вот последовательность «разделение ощущений, эмоций и чувств – первичные общественные группы – единомыслие, которое нельзя путать с подобномыслием, – ценностные ориентиры – мироощущение» чересчур сложна. Как далеко не каждая птица при тихой погоде долетит до середины Днепра, так мало кто захочет мысленно объять сию конструкцию. И после этого опять идут какие-то соображения о народах? Да какое дело нам, русским, до них! Когда мы научимся проявлять хотя бы минимальный эгоизм и го-

ворить преимущественно о себе самих?

Хорошо, пусть следует этюд о русском национальном характере.

Русский характер

Со второй половины двадцатого века в психологию вообще, а в этнопсихологию – в частности, пришла математика, и они стали принимать облик настоящих научных направлений. Гуманитарного произвола, основанного на чьем-нибудь авторитетном мнении, стало меньше. Появились формализованные методы исследования. Были разработаны тесты со строгими правилами обработки результатов.

Один из них – предложенный еще в 1941 году Миннесотский многофакторный личностный опросник (сокращенно – ММЛО), вначале предназначаемый для диагностики психических заболеваний. Однако подключение к его доработке профессиональных математиков, отшлифовка системы вопросов, включающей как дискриминационные, так и контрольные, потенциально позволило расширить область его применения. Несмотря на неопределенную достоверность результатов этого теста в культурологических целях, он стал использоваться для выявления наиболее характерных личностных черт различных групп населения.

До Советского Союза этот тест добрался к середине шестидесятых годов двадцатого века и, конечно же, подвергся резкой критике в высоких академических кругах: недостойно прикладывать буржуазные выдумки к светлому социалистическому обществу. Как следствие, применялся он

фактически подпольно, на малых группах. Известны кое-какие результаты опросов советских граждан в семидесятые годы, описанные, например, Ксенией Касьяновой. Для периода перестройки, бандитских девяностых и на начало двадцать первого века, сведений о применении ММЛО в России у меня, например, нет.

Вероятно, их попросту не существует в природе. Почему? – вопрос более сложный, чем кажется на первый взгляд. Предложу следующую гипотезу на сей счет: влиятельные международные финансовые круги, распределяющие научные гранты и премии, ныне рассматривают нас, русских, главным образом как объект, требующий не изучения, а рассредоточения.

Кроме того, прежние результаты применения ММЛО оказались, мягко говоря, не совсем понятными и удобными для интерпретации. По тем шкалам этого теста, которые американцы традиционно считали «своими», где у них якобы не могло быть достойных конкурентов, русские получили фактически те же оценки. Мы, оказывается, не уступаем янки по показателям «целеустремленность», «деловитость», «конкурентность», «сила воли» и так далее. Есть от чего схватиться за голову.

Между прочим, опросы советской молодежи в середине семидесятых годов выявили повышенную ее тревожность, недоверие государству, неуверенность в будущем – неужели народ уже в то время предчувствовал грядущие катастрофы?

Неужели то, что произошло – распад Советского Союза, тотальное ограбление населения, коренное ухудшение быта, – явилось следствием тогдашнего духовного настроя? Как бы там ни было, в историческом масштабе прошло еще мало времени, чтобы выкристаллизовалась правда.

Итак, прочной «объективной научной» базы, которая помогла б с необходимой полнотой раскрыть особенности русского национального характера, не существует. В то же время налицо

Наветы и наговоры

Когда охватываешь целиком, что о нас, русских, писали и говорили европейцы на протяжении всей истории наших взаимоотношений, невольно возникает впечатление: они нас панически боятся! Их страх безотчетный, неосознаваемый. Непреодолимый. Чисто звериный. Они боятся нас. Боятся какой-то неведомой опасности, исходящей из краев, где мы живем. Боятся даже своего страха перед нами. «Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами…»

О возможных причинах возникновения этого ужаса поговорим позже, а сейчас посмотрим на последствия – на те наветы и клевету, что слышатся на Западе в отношении нас, русских.

В каких только грехах нас ни обвиняют! Что бы мы ни делали, как бы ни старались им угодить – мы всегда во всем виноваты. В Европе даже снег выпадает потому, что зимний

ветер мы направляем в их сторону.

А оскорбительные эпитеты, навешиваемые на нас! Разве что в тупости и физической немощи не обвиняли – всеми прочими отрицательными качествами мы были награждены.

Культивируется, например, миф о том, что русские были дикарями до первых контактов с европейцами. Такими якобы и остались. Доныне почти неуправляемы, склонны к преступлениям и не в состоянии перебороть животные страсти. А государственность нам насадили шведы. Нелепость такая, что и возражать не хочется. Коснемся этой темы позже, при разговоре о происхождении русского народа.

Любят говорить, что мы грязные и вонючие, не приучены к простейшим навыкам гигиены. И это позволяют себе утверждать люди, чьи предки только к середине девятнадцатого века стали пробовать изредка – не более одного-двух раз за сезон – прикоснуться к горячей воде! Когда была изобретена русская баня, теряется в веках. А вот сопоставительные и исторически достоверные факты. Король-солнце, французский Людовик Четырнадцатый, в течение всей жизни очищался довольно своеобразно – обтирал кисти рук коньяком. Генрих Четвертый, первый Бурбон на французском троне и большой любитель чеснока и лука, также не мылся. Далеко не всякий его современник мог выдержать даже непродолжительное пребывание с ним в одном помещении. И вообще, главной достопримечательностью залов всех западноевропейских дворцов и замков являются большие ва-

зы, предназначаемые для благовонных жидкостей, нейтрализующих вонь их высокородных обитателей.

В начале двадцатого века европейцы неожиданно перевоспитались. Вы серьезно предлагаете поверить в это перерождение?

Ополоснувшись под душем и побрызгавшись дезодорантом, чистым не станешь. Лучше раз в неделю помыться как следует. Мы не грязнее европейцев. Просто у нас разные понятия о чистоте, и далеко не очевидно, чьи воззрения лучше.

Утверждают, что русские ленивы. Наши горе-интеллектуалы послушно подпевают. Знаменитый режиссер, родившийся в Советском Союзе, но много лет проживший на Западе, снимает фильмы, в которых на основании того, что во время больших праздников на Руси испокон веков запрещалось работать, пытается внушить зрителям: русский народ ленив по природе. Гнусная ложь! В нашем климате не проживешь, не работая. Мы не негры, чтобы позволить себе лежать под пальмой да изредка срывать какой-нибудь дикорастущий плод. А насчет запрета работать – следуя подобной логике, самым ленивым народом надо назвать евреев: у них каждую субботу палец о палец нельзя ударить. Просто у нас иное, чем в Европе, назначение праздников.

Русских обвиняют в неделовитости, в неумении к самоорганизации, создании эффективных механизмов общественного устройства. Вновь все переворачивается с ног на голову!

Скажите, существует ли еще такой народ, который смог освоить территории, сопоставимые с бескрайними просторами азиатского Севера, Сибири, Дальнего Востока и впридачу северо-западной оконечности американского континента? Обыкновенные русские люди приходили в новые края, находили общий язык с местным населением, перенимали от них все самое лучшее, учили аборигенов передовым методам хозяйствования… надо ли продолжать? Самоорганизовывались: в Сибири разные местности и села «сами по себе» специализировались на производстве того или иного продукта, а обмен товарами осуществлялся на периодически – отнюдь не стихийно! – устраиваемых ярмарках. Эффективность народного хозяйства поражает. Одно время рожь, выращиваемую под Якутском, то есть на почвах, пораженных вечной мерзлотой, развозили по всему азиатскому Северу, Дальнему Востоку, Приалтайю, Русской Америке и многолюдному Срединному Китаю.

По поводу способности к самоорганизации можно говорить долго, здесь я позволю только один вопрос: скажите, какова была истинная роль государства в расширении Российской империи? Мысленно пробегите непредвзято по страницам истории. Что получается?

На восточном направлении припоминаются разве что сплавы по Амуру в середине девятнадцатого века, организованные по указке сверху, и закладка двух городов – Владивостока и Хабаровска. А также строительство Транссибир-

ской железнодорожной магистрали. И все! Далее одни огрехи. Договоры с Китаем о границе были составлены столь бездарно, что до сих пор уточняются вежи. Считали ниже собственного достоинства замечать государства на территории Маньчжурии и Джунгарии, тянущиеся к северному соседу. Русскую Америку отдали. Отказали Томеа-Меа в просьбе о российском протекторате над Гавайями. Проникли было в Корею, но проиграли войну с бумажной в то время Японией. Стыдоба!

А начинались ошибки, наверное, с выбора названия главного города Дальнего Востока: крестьянский сын Ерофей Хабаров чуть ли единственный из русских первопроходцев, кто оставил о себе недобрую память у местного населения.

Колонизация Средней Азии? Скорее всего, это вынужденное действие Российской империи. В результате были прекращены многовековые разбойничьи набеги на наши мирные селения за рабами и промышленными товарами. Одновременно, правда, дополнительное ярмо повесили на русскую шею по подкормке замиренных областей.

Примерно такая же картина вырисовывается и для Закавказья. Хорошо, что дружественный армянский народ спасли от геноцида. Но попутно помогли и грузинам – на свою голову.

Так что же выходит? То, что в умении организовывать жизнь, свое хозяйствование на земле нет равных нам, русским! Ни один народ на планете не может похвастаться даже

малой толикой тех успехов, которых мы добились несмотря зачастую на прямое противодействие родных и чужих государственных структур. Излишне, наверное, напоминать о нашем вкладе в мировую сокровищницу наук и искусств. В общем, можно и нужно гордиться не только своей историей, но и самим собой. И с большой долей снисходительности воспринимать выпады в наш адрес западоидов.

Вероятно, представления о русском национальном характере целенаправленно искажаются Западом из-за ощущения собственной подпорченности.

Во все времена достойной задачей для любого уважающего себя человека было докопаться до истины. Поскольку большая наука не может помочь нам в познании нашей души, приходится опереться главным образом на субъективное знание, на ощущение самого себя «изнутри». Начнем с разговора

О фундаменте русского мироощущения

На протяжении многих лет звучит один и тот же вопрос: «Кто мы, русские, такие – европейцы или азиаты, Запад или Восток?». Большинство воинственно восклицает: несомненно, мы европейцы. И добавляет какое-нибудь невразумительное «но».

Внесем ясность в это самое «но».

И схожесть, и различие мироощущений определяются фундаментальными представлениями о себе и о Мирозда-

нии, описанными в предыдущем этюде, в «Народах».

Мы, русские, полагаем окружающий мир независимым от человека и потому наше мышление *подобно* европейскому. Но мы не «чистые» европейцы, ибо строй нашего мироощущения принципиально отличается от европейского.

Русский человек склонен к реализации наиболее древней стратегии обустройства жизни и хозяйствования на земле – приспособления к окружающему миру. Выбор этот, напомним, неосознанный и «добровольный». То есть не навязанный внешними обстоятельствами, не обусловленный бессознательным ощущением бессилия или пониманием нецелесообразности, нерациональности замены естественного искусственным. В этом – *первое фундаментальное отличие* нас, русских, от западных европейцев, воспринимающих среду обитания скорее как область приложения своих сил, как фабрику.

Согласитесь, что в нас присутствует какая-то тяга ко всему естественному, являющемуся не плодом человеческого труда, а вылепленному природой. Мы восхищаемся английскими газонами и японскими садиками, а сердцу ближе первозданные ландшафты, куда не ступала нога человека. Даже кухня наша старается как можно меньше «испортить» продукты. Густые соусы из многих ингредиентов, перемешивание по-разному приготовленного мяса, фруктов и овощей – это не наше, заимствованное. Винегрет по-русски – это капуста отдельно, свекла отдельно, горох отдельно и так да-

лее. Алкогольный напиток? – водка, то есть фактически один разведенный спирт, никаких примесей. Гуся жарить? – только целиком. А рыба в пироге желательна одним большим куском… Естественность – вот наш идеал.

Второе фундаментальное отличие нас от западных европейцев в том, что они склонны относиться к себе, любимому, как к суверенному государству, со всех сторон окруженному явными и тайными врагами. Нам же, русским, ближе понимание лично созданной свободы, требующее поступать с учетом интересов других людей, в соответствии с заботами и проблемами окружающего мира.

Понятно теперь, почему мы, русские, иные? Почему мы мыслим *подобно* европейцам, но *не единообразно* им?

Отмеченное различие фундамента мироощущения многое объясняет. В том числе – сетования европейцев и их духовных учеников по поводу «загадочности» нашей души. Мы для них потому и загадка, что отличаемся от них, что им приходится думать о русских чуть глубже, чем они привыкли. А для нас не должно быть особых проблем с разложением самих себя «по полочкам».

Что же мы видим, устремляя взор свой внутрь себя? Первым делом надо отметить

Терпение

Легендарное русское терпение является, очевидно, наиболее яркой чертой нашего национального характера. Оно

проявляется во всем, а начинается со стойкой привычки контролировать, сдерживать свои эмоции в повседневной жизни. В публичных местах у нас не принято проявлять излишнюю веселость, громко разговаривать, демонстрировать какую-либо необыкновенность. Вообще не принято чем бы то ни было привлекать к себе внимание окружающих.

В целом наше поведение окрашено не в яркие мажорные, а в мягкие, пастельные тона. В бытовом общении превалирует серьезность и сосредоточенность, и даже между близкими людьми часто пролегает определенная суровость. Бурное проявление эмоций, особенно ложной, наигранной радости, лобызания при встрече – это не наше, не русское. Это пришлое, как и оргиастическое дерганье при выступлении поп-музыкантов, как громкое пение в неурочное время и в неположенном месте, как эпатажная одежда и многое-многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.